

Ульяна Соболева

Проклятие Черного Аспида

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Драконы, Преисподняя, бойня между драконьими кланами и страшная любовь чудовища к смертной девушке с загадочной татуировкой под грудью.

Еще одна страшная НЕсказка вам от меня.

Будут жуткие чудовища со всеми вытекающими последствиями. Но кто знает какими будут герои... это решать только им.

ВНИМАНИЕ — у автора свой bestiary. Ибо это фэнтези без претензий на знание славянской мифологии и точность ее изложения. Автор подло и нагло не собирается блюсти никаких канонов. Автор просто придумывает свою собственную Навь.

И да будет строго **18+**.

За много секса, за много насилия, за много ужаса и тд. Ну вы поняли. Все, как всегда. Я люблю, чтоб больно и до слез.

ГЛАВА ГЛОССАРИЙ:

Навь — Преисподняя

Явь — Наш мир (реальность)

Межземелье — приграничные земли, отделяющие Явь от Нави

Вий — сын дракона Чернобога (Сварога) наследник трона. Красный дракон смерти.

Ниян — брат его родной имеет две сущности драконью и змеиную. Черный Аспид. Воин. Доставляет избранниц Вию.

Мракомир — родной брат Чернобога проклят и изгнан за колдовство и восстание против царя.

Волхв Лукьян — жрец, колдун имеет сущность ястреба. Открывает вторые врата в Навь. Повелевает четырьмя стихиями.

Врожка — оруженосец Нияна имеет свою тайну.

Лихо — одноглазый царь лесной. Открывает первые врата в Навь.

Пелагея — ведьма умеет обращаться в зверей.

Ядвига — дочь Мракомира, проклятая им и околдованная. Открывает третьи врата в Навь.

Константин — царь мира мертвых казнен и похоронен там, где никто не знает. Умел повелевать мертвецами, поднял армию против Сварога.

Властибор — царь водной стихии. Враждует с драконами. Повелевает водным миром.

ПРОЛОГ

*Лиха не ведала,
глаз от беды не прятала.*

*Быть тебе, девица,
нашей — сама виноватая.*

*Над поляною хмарь —
Там змеиный ждет царь,*

За него ты просватана.

(с) Невеста полоза. Мельница

Дракон Смерти — царь змей и ящеров ползучих да летучих. Жил он со своей свитой за горами в море-океане и каждую весну забирал себе невесту из семей должников своих.

По поверью, коли одолеет люд мор жестокий и нищета, следует плыть океаном, искать Драконий Остров и просить милости у царя змеиноного. Поутру ждут просящих богатства несметные. Но расплата рано или поздно нагрянет. Если родится в семье должника девочка, то, спустя восемнадцать весен, найдет она в воде перстень янтарный и, взяв дар драконий, станет невестой его, заберет деву Черный Аспид, верный страж Дракона, в подземное царство, а что ждет там ее, неизвестно: то ли счастье неземное, то ли смерть лютая.

Он бежал. Бежал быстро, спотыкаясь и оглядываясь назад. Ему казалось, его преследует нечто жуткое, черное, необратимое, как сама смерть. Земля содрогается, и в ушах свистит, словно воздух рассекает тонкая сталь, цепляя кончиком напряженные до предела нервы. Мужчина прячет за пазухой узел, сверкают в его прорезях камня драгоценные, и сыплются на землю монеты золотые, переливаются при свете звезд и месяца. Ему бы успеть до корабля добежать и отплыть из места этого проклятого. Сам не знал, как оказался здесь. Не иначе как нечистая сила заманила. Он слышал голоса русалочки, певучие. Звали его к себе. Или казалось ему. Но заплыл сюда, сам не ведал как. Место незнакомое, ни на одной старой карте нет его, и не слыхивал никто. И рыскал князь по берегу, пока в ущелье не забрел и сокровища не увидел. Горы целые. Перед глазами хоромы новые промелькнули, шелка да жемчуга, откуп бусурманам проклятым, новое войско и признание бояр и купцов.

Нагреб князь драгоценных камней и золота, сколько руки унести могли. И кинулся прочь из ущелья, но едва вышел на свет, как обмер от ужаса. Земля волной морской вздыбилась вокруг него, плюется грязью в разные стороны, словно сама Навь*1 рвется наружу из ее недр вместе с языками пламени.

Содрогнулось все вокруг, и жуткая огромная чешуйчатая голова взвилась ввысь на длинной мощной шее, покрытой иглами костяными, а черные перепончатые крылья чудища закрыли весь небосклон, одним взмахом выкорчевывая деревья и отшвыривая князя, как сошку, назад к ущелью на самые камни. Он уже думал, смерть свою встретил. Глаза зажмурил и богам взмолился. Ничего ужаснее в жизни своей не встречал. Серой воздух провонял, и чешуя зверя невиданного отливала на свету переливами из аспидно-черного в темно-синий. Зверь голову жуткую к князю склонил и зашипел, как змея, совсем рядом, так, что ноги задрожали, и по коже рябь ужаса прокатилась, поднимая дыбом каждый волосок. И вспомнилась ему легенда о золоте Драконьем и страже его верном — Черном Аспиде. Страшно стало до обморока и липких от пота ладоней. Неужто правда все, и он Драконьи острова нашел?

Так и стоял, прижимая к себе узел и не решаясь даже веки распахнуть, пока голос у себя в голове не услышал:

"Бери, сколько унесешь. Хоть все забирай. Но за долгом я приду потом"

Страшный голос. Он изнутри вьется, как хвост монстра вокруг ног князя, в мозгах паутиной черной разрастается, заставляя чувствовать, как все сжимается от тоски неведомой, как вся радость покидает тело и душу, чтобы никогда не вернуться обратно. Кивал князь головой, не смея слова сказать, и драгоценности не выпускал из дрожащих рук.

"А можешь все здесь оставить — живым дам уйти, и дорогу сюда забудешь, словно не видел никогда".

Но мужчина вцепился в узел и прижал к груди, все еще жмурясь и не решаясь взглянуть на аспида.

"Жди меня и готовься, смертный. Я приду за дочерью твоей младшей, когда время настанет. А пока купайся в богатстве и роскоши. Вся власть этого мира к ногам твоим упадет, только радости ты больше никогда не испытаешь. Ни радости, ни счастья".

Не испугала угроза князя — детей у него не было. За все годы супруга ни разу не понесла. Каким только богам не молились и шаманам не платили, да лекарям заморским. Думал, легко отделается от твари.

"Да кому оно надо, счастье-то, с такими сокровищами".

Прошептал князь и веки приоткрыл. Тут же вскрикнул и пошатнулся — прямо перед лицом его глаз драконий. Смотрит не моргая. Душу всю вытягивая. Янтарно-желтые глаза змеиные с тонкой полоской зрачка посередине затягивают во мрак. А в полоске — отражение самого мужчины, и золото поблескивает всполохами. Несмотря на цвет диковинный огненный, холодом смертельным повеяло, и кровь в жилах князя заледенела.

"Беги, смертный, пока не передумал я" — побежал он, спотыкаясь, к берегу, и назад не оглядываясь. Поутру проснулся князь уже на корабле своем далеко в море. Солнце жжет лицо, и небо пронзительно-синее сверкает над головой. Думал, приснилось ему все и привиделось. Только узел развязался, и драгоценности по палубе рассыпались. Как домой вернулся, оказывается, почти год отсутствовал, а в его отсутствие родила жена двойню. Мальчика и девочку... мальчик сразу после родов умер, а девочка — вся в мать, красавица дивная с глазами небесного цвета... С тех пор князь научился улыбаться и радоваться.

Навь*1 — преисподняя, ад

ГЛАВА 1

*С тех пор, как сумрак настал,
Ты так безмятежно спал,
И шел в страну своих снов.
А мой не сложился путь,
Никак не могла уснуть,
Всю ночь смотрела в окно.
Холодный ветер подул
И много смел в пустоту
Беспомощных спящих тел,
Разрушил мир, разобрал,
Развеял и разметал,
И делал, все, что хотел.
Холодный ветер стирает все,
И весь наш мир в пустоту снесен,
И ни при чем здесь ни тьма, ни свет,
Взойдет ли солнце, раз неба нет?*

(с) Флер

Паника — самое отвратительное чувство, которое может испытать человек. Она оглушает своей необратимой тоскливой липкостью, когда кажется, что даже сама смерть стала бы избавлением. И я чувствую, как она забивается в меня повсюду, просачивается сквозь грубую мешковину, надетую на голову, оборачивается вокруг веревок на запястьях и на щиколотках, обжигает босые ноги, ступающие по подтаявшему снегу. Словно вода ледяная замораживает все тело не только мартовским холодом, но и суеверным ужасом перед какой-то обреченной неизбежностью. Это сон. Просто страшный сон, и я скоро проснусь. Открою глаза и пойму, что утро уже за окном, и не было ничего.

Меня толкают в спину грубо и больно. Межу лопаток бьют чем-то острым, и я понимаю, что все же это не сон. Боль и ужас слишком реальны. Спотыкаюсь о комья мерзлой земли. Куда ведут меня? Зачем я им? Где мы, и кто они такие? Эти вопросы с ума сводят и заставляют задышаться в истерическом припадке ужаса.

— Пошла. Шевелись давай.

Кто-то хватается за затылок и, нагибая к земле, толкает вперед так сильно, что я падаю на колени и лицом вниз в подтаявший снег. В нос ударил запах сырости и близость водоема. Я молила про себя Всевышнего лишь об одном: "только не в воду, пожалуйста, только не в воду". Все что угодно, но не вода.

Больше всего я боялась именно этого. Упасть в ледяную бездну и, хватая противные солоноватые глотки с привкусом крови белыми губами, задыхаться, и сходить с ума от адской боли, разрывающей легкие. Словно знаю, какво это — тонуть. Этот страх уходил корнями в самое детство, в самые недра памяти, где царила непроглядная вязко-грязная тьма неизвестности. Иногда мне казалось, что окружающий меня мир всего лишь иллюзия, а на самом деле ни его, ни меня не существует. Особенно после того, как начала видеть во сне монстра с янтарными глазами, притаившегося в черноте беззвездной ночи.

Чья-то тяжелая рука подняла за волосы с колен и тряхнула в воздухе так, что из глаз искры посыпались. Как вещь или мешок с ветошью. Стало страшно, что швырнет обратно на землю, и я раскрошусь на части от силы удара. Совсем рядом послышался плеск воды, и я вздрогнула от испуга, а от холода зуб на зуб не попадал. Своих ступней я не чувствовала уже давно, как и ладоней с кончиками пальцев. Но ублюдкам, подгоняющим нас грубыми окриками, было плевать на это. Их

было много, я слышала, очень много. Мне чудились или слышались женские голоса среди мужских.

— А она точно то, что нам надо? Кажется, Хозяин говорил, что у нее рыжие волосы.

О боже, кого в наше время еще называют "хозяином"? Это действительно страшный сон или жуткая шутка? Со мной не может все это происходить. Не можеет. Я не бездомная, я не шлюшка какая-то и не красавица писаная, как Лизка. Кому я нужна такая? Дочь алкоголички. Безотцовщина. За меня и выкуп не у кого просить. Разве что бутылками пустыми или тем, что мне самой собрать удалось — жалкие крохи на новые джинсы. А мать, поди, и имени моего уже не помнит. Перед глазами возникло перекошенное одутловатое лицо, испещренное тонкими венками, со стеклянным взглядом светло-голубых глаз и приоткрытым ртом с мясистыми губами. И в ушах взорвался хриплый крик, срывающийся на истерический визг:

"Гадина. Ленивая тварь. Учиться она собралась. А мать кто содержать будет? Я тебе патлы повыдергаю. Вали, давай. Шалава малолетняя. Будь ты проклята, мать бросать. Проклятаааа".

Вздрыгнула, кусая губы до мяса и глотая слезы. Истинное проклятие — это воспоминания. Особенно когда тоска и время из недостойного родного человека все же высекают идола, по которому абсурдно и неправильно скупаешь до слез. Ищешь и выбираешь те самые крохи-минуточки, когда он был этих слез достоин. Я ей деньги послала и соседке звонила узнать, как там мать, но та сказала, что она все равно все пропивает, и я начала слать деньги бабе Тане, чтоб та ей хотя бы еду приносила. А теперь все внутри скрутилось в спираль ломаную — вдруг не увижу ее никогда больше? Вдруг умру я здесь и не скажу ей, что простила и любила ее всегда?

Где-то рядом послышались женские истошные крики. Да, я не одна жертва здесь. Поначалу это вроде обнадеживало, а сейчас пугало еще сильнее, потому что — какую власть нужно иметь, чтобы выкрасть столько девушек? А нас было немало. Я успела примерно мысленно посчитать голоса по стонам и рыданиям. Надежда на то, что меня найдут или вдруг появится полиция, таяла с каждой секундой. Куда они нас привезли? А может, они нас на органы пустят? Сколько людей сейчас пропадает по всему миру, и не находит никто. Сама видела объявления на столбах и в интернете. Захотелось спрятаться, забиться в угол и маму звать, как в детстве, когда она, еще не настолько убитая алкоголем, обнимала и прятала мое лицо на своей мягкой груди, и шептала, что все это плохой, дурной сон. Все пройдет с первыми лучами солнца. Просто ночью все кажется намного страшнее. Это потом она начнет меня выгонять из дома то за водкой, то чтоб не мешала с хахалями кувыркатся.

С моей головы содрали мешок, и я задохнулась от ужаса, увидев людей с лицами в белых масках с прорезями и с факелами в руках. Повертела головой, всхлипнув от ужаса, все тело мелко задрожало — мы оказались на берегу реки, и мои глаза расширились, когда увидела несколько лодок, украшенных красными цветами (откуда только взяли в это время года?), качающихся на волнах. Неужели нас утопят?

О боже, я не знаю, что это могло быть. Не знаю, где я. Не знаю, за что. В который раз хотела закричать и не смогла. Они мне рот заклеили то ли скотчем, то ли какой-то липкой лентой. Получалось лишь мычать, но и за это толкали и били.

— Она. Насчет волос не знаю — у нее метка на теле. Как и у остальных. Может, мне еще в паспорт посмотреть? Нам за это не платят. Нашли-привезли-отдали. Все.

О чем они говорят? Какая метка? У меня нет никакой метки. Только татуировка, которая еще с детства на боку змеей вьется. Мать вечно говорила, что знать не знает, откуда она взялась. А я ее ненавидела еще сильнее, потому что понимала — это она позволила одному из своих сожителей выбить ее на мне, когда я совсем крошкой была. Иного объяснения я этому не видела. Позволила, как и многое другое, лишь бы водку ей приносили. После того как последний раз продала за четвертак, я сбежала из дома. Вздрыгнула, когда лапица похитителя сомкнулась на шее, снова толкая вперед.

— Ну что? Начинаем? Первые лучи уже показались.

Оказывается, кошмары не исчезают утром... иногда в свете дня они принимают реальные цвета и очертания. Меня и других девушек потащили к лодкам. На каждой белая рубашка до колен с вышивками на рукавах и по подолу. Лица измазаны черными полосами на скулах, а на шее ожерелья из рябины. Люди в белых масках, так похожие на куклусклановцев, насильно укладывали нас в лодки, предварительно надев каждой венки из красных цветов с терпко-сладким удушливым запахом на голову и завязав веревку с камнем вокруг ног. Божеее. Боже мой. Это какая-то секта. При приближении к воде меня начала охватывать жуткая паника. Она лишала разума и заставляла громко мычать и биться в руках больных психопатов, которые не обращали внимание на сопротивление и привязывали нас к продольным скамьям. И мозг на секунду прострелило жуткой догадкой — им это не впервой. Они это делают не впервой. Все движения четко выверены, как у роботов. Их лодки предназначены именно для такого ритуала. Теперь я видела сероватое утреннее

небо в рваных облаках и другие лодки по сторонам от себя. Казалось, это небо вот-вот упадет на меня, обрушится последним снегом. А на берегу толпа в масках — женщины и мужчины факелами из стороны в сторону ведут под звон бубенцов, которыми трясет один из них. Я медленно смотрю на каждого, и мне все еще кажется, что я в каком-то затяжном кошмаре. Сумасшедшие изверги. Нелюди.

— Снимите скотч. Он любит, когда они кричат.

С меня содрали скотч, но закричать уже не хотелось. От холода сводило все тело и отнимались конечности. Меня оттолкнули от берега, как и других девушек. Кто-то на берегу тоскливо затянул песню красивым грудным женским голосом.

Как во поле, во полЕ

Тройка резво скачет...

На коленях девица

Возле матери плачет:

Мамонька, ой, мамонька, -

Сердце тяжело стонет...

Неужели, мамонька,

Я такого стою?

Во чужой сторонушке,

Во землице дальней

Быть немилой женошкой —

Доли нет печальней.

(с) Русская народная. Мамонька... ой, мамонька

Вспомнились старославянские свадебные обряды. Но легче не стало. Сердце болезненно колотилось в горле. Пар с воды поднимался вверх, постепенно скрывая с глаз берег и психов с факелами, напевающих ритуальную монотонную песню.

Голоса отдалялись все дальше и дальше, и на нас вместе с паром опускалась странная тишина. Вдалеке завyla собака, и по коже прошла волна мурашек. Кто-то из девушек плакал, а кто-то в голос молился и кричал. Я лежала молча, пока вдруг не почувствовала связанными у днища руками воду. Всхлипнула, давась криком — лодки дырявые и на ногах камень. Мы все утонем. О, господииии. Они, и правда, нас топят... словно в жертву кому-то приносят.

Видимо, это поняла не только я, и раздались крики со всех сторон. Тяжело дыша, я пыталась освободиться от веревок, крутилась на скамье, глядя в небо, светлеющее с рассветом все больше и больше. Пока вдруг не застыла, содрогаясь от ужаса — вверху, в глубине облаков мелькнула огромная тень. Я дернула руками, чувствуя, как быстро прибывает вода в лодке.

Это сон. Это не может быть на самом деле... НЕ МОЖЕТ. Вверху расправило крылья огромное чудовище, оно летело вниз, прямо на нас, раззявив огромную зубастую пасть, издавая пронзительный крик, от которого заложило уши и что-то лопнуло внутри, по шее потекло липкое и горячее — лопнули барабанные перепонки, отметила как-то равнодушно, тяжело дыша и глядя на жуткого монстра, летящего вниз. Его когтистые лапы то сжимались, то разжимались, и воздух со свистом рассекало словно тысячами стальных мечей. Казалось, он смотрит на меня и летит именно ко мне. Но черный дракон... Боже. Этого ведь нет на самом деле. Но он был. Был. И я его видела. Черный дракон кружил над лодками, низко опускался и цеплял воду крылом, разбрызгивая ледяные капли хрустальными осколками вокруг нас.

И у меня все больше вода прибывает, я уже почти вся погрузилась в нее и хватаю ртом воздух, дрожа от холода и от паники. Издать хоть звук страшно, но тонуть еще страшнее. Не удержалась и закричала, и тут же съежилась, увидев, как резко обернулся ко мне зверь, дернул головой огромной в каменных иглах и устремил взгляд лютой прямо в душу, обрушив на меня всю тоску вселенной, заставляя сердце съежиться в предвкушении смерти и зайтись в новом крике, задыхаясь и глотая

воду, которая сомкнулась надо мной.

Зажмурилась, сжимая пальцы, впиваясь ногтями в ладони, застыв в шоковом оцепенении, а когда в плоть вонзились словно десятки кинжалов, вспарывая кожу, невольно распахнула глаза, и вопль застрял в горле — жуткая морда твари кляцнула пастью у моего лица, и зверь потащил меня вверх в рваные облака, обрывая веревку с камнем, который, словно в замедленном кадре, упал в воду. Я повернула голову, вглядываясь вниз, и со всхлипом втянула воздух, чувствуя, как по щекам слезы покатились — на зеркальной поверхности реки ни одной лодки не осталось. Только венки плавают, и у меня перед глазами от боли и ужаса тоже все плывет, погружая во мрак. Да в ушах свистит от шума крыльев, и тело льдом обдаёт, сковывает. Закрою глаза и проснусь... ведь я проснусь, да?

Мамонька, ой, мамонька,

Защити — не выдай...

Неужели, мамонька,

Быть мне платом крытой?

Неужели косыньки

Не пустить по ветру?

Неужели с миленьким

Не гулять до свету?

На реке два омута

С темною водицей...

Отпустите девицу

Той воды напиться...

На яру не весело

Девицы гуляют...

Плачут, да кручинятся —

Песню напевают:

Как в селе под Вологдой

Свадьба не случилась...

Как во темном омуте

Девка утопилась...

(с) Русская народная. Мамонька... ой, мамонька

ГЛАВА 2

Раньше не было ни времени.

Ни земли, ни пыли — ничего.

Забыли все.

Было небылью, да стало былью.

Река остыла, и вода застыла в ничто.

(с) Женя Любич

Я выныривала из небытия короткими обрывками реальности, они походили на мой привычный кошмар. Мне чудился запах серы, словно чиркнули около ста спичек одновременно, а перед глазами чернично-малиновое зарево над полоской горизонта. То ли закат, то ли восход. Выпь голосит поминальную песню, и от тоски ребра сжимают обручи железные.

Будут ли меня искать? Наверное, нет. Может, Лиза будет. Захотелось вдруг, чтоб мама узнала и чтоб слезы по мне утирала, а мозг резануло картинкой, где она водкой горе заливает и смеется с такими же опустившимися собутыльниками над пошлой шуткой, уже забыв, что поминки у нее дома, а не веселье. Ненависть поднялась вихрем и тут же улеглась пеплом в душе. Отненавидела уже. Горечь золой осыпалась и легла еще одним слоем грязи на сердце и на душу.

Я выныривала из омута боли и погружалась в него снова. Болело все тело, но больше всего голова. Казалось, внутри нее пульсирует адский сгусток, приносивший мне страдания. Все это время я ощущала чье-то присутствие. Давящее и невыносимо тяжелое.словно весь ужас вселенной сконцентрировался рядом со мной и вокруг меня. Обрывки воспоминаний вплетались в сумеречный туман перед глазами. Малиновый сполох вдалеке рассеялся и утонул в сизом тумане. Мне казалось, я слышу голоса, но они иные и не похожи на голоса людей. Они звучат не у меня в ушах, а в моей голове. Страшные и похожие на рокот вперемешку с шипением. Сама реальность оказалась страшнее любого кошмара, который я когда-либо видела. Потому что нет этой люти наяву и быть не может. А может, я сошла с ума? И это все плод моей воспаленной болезнью фантазии?

Наконец-то глаза снова раскрылись с мучительной резью в висках, я поняла, что меня куда-то везут. Нет. Не в машине. На лошади. Связанная по рукам и ногам, я свисаю поперек жесткого седла. Оно упирается мне в живот и жестоко трет кожу под легкой влажной сорочкой, прилипшей к телу, а скомканные и растрепанные волосы свисают до самой земли, выметая ее грязными серыми концами. Косы расплелись, и в прядях цветы кровавые запутались. Они до сих пор источали тошнотворный сладкий запах. Вспомнились плавающие на гладком озере венки... там, где лодки с остальными девушками утонули. Опять стало жутко, и я пошевелила руками.

Вот почему настолько сильно болят виски и режет глаза — вся кровь прилила к голове, а тело превратилось в сплошной синяк. Каждая секунда пульсировала в ушах ожиданием чего-то ужасного, чего-то необратимого, нависшего надо мной. Меня ослепило воспоминанием о жуткой твари, вцепившейся в меня когтями и выдернувшей из лодки, и от дикого ужаса в горле задрожал вопль. Вскинула голову и закричала. Но никто не обратил на меня внимания. Лошадь продолжала скакать во весь опор. На глаза от боли и страха навернулись слезы, и сквозь соленую рябь я видела пепел под копытами лошади... лошади ли? Потому что тот звук, который издавало это животное, с трудом можно назвать ржанием. Оно пытело жаром, которым обдавало лицо, как из жерла домны. Я задыхалась от первобытного ужаса, пытаюсь освободить затекшие и онемевшие руки.

— Отпустите, — хрипло и так тихо, словно я разучилась говорить или потеряла голос.

Горло обожгло нестерпимой жаждой, и глоток воздуха, скорее, напоминал глоток песка. Оцарапал горло и скатился внутрь, раздирая желудок. Меня или не слышали, или делали вид, что не слышат. И я была уверена, что, скорее всего, второе.

С трудом повернула голову, стоная от страданий, которые причиняли ушибленные о жесткое седло ребра. Натертые веревкой руки и ноги словно отнялись и горели пламенем. И все же я увидела вдетые в золотые стремена черные сапоги с заостренными носками, покрытые копотью и залепанные грязью. Еще усилие, приподняла голову, кусая губы от напряжения — голенища сапог заканчивались у колен, и сбоку красовался вышитый золотом змей.

И снова память полоснула мелькнувшей в облаках тенью монстра. Потом проклятые сектанты, от воспоминания о которых внутри будто зашевелился ворох гнилых листьев, я даже запах глена почувствовала. Сапоги... золотые стремена. Кто в наше время все это носит? Куда меня везут?

Зачем? Может, это игра такая? Жестокая игра за деньги. Реалити-шоу какое-нибудь. Рисунок змеи показался почему-то знакомым. Словно видела его где-то. Совсем недавно видела.

И перед глазами картинками...

"Я, танцующая у озера вместе с девчонками. Босые и растрепанные мы песни орем и венки в воду швыряем, загадывая желания. Лизка смеется громче всех. У нее день рождения, и она такая красивая сегодня в красном расшитом сарафане. Отец для нее вечеринку устроил в старославянском стиле. Домик в лесу у пруда сняли. Целую программу составили и костры на берегу разожгли. Мы венки сами плели с Лизой для гостей. Свечки в стеклянных закрытых подсвечниках по земле расставили. Красиво до невозможности. Все вино пьем и смеемся. Лизка еще и ведьму, бабу Пелагею, пригласила погадать нам всем. Помню, как мы громко смеялись, представляя себе ряженую, как и все мы, женщину, которой заплатили за развлечение гостей. Но Лиза заверила нас, что ведьма самая настоящая, из местных. К ней гадать из других городов и даже из далеких стран приезжают. Всю правду говорит. Не всегда хорошую. Когда она появилась, смеяться все прекратили. Не потому что некрасиво, а потому что страшная она была, потому что на нас глазами черными зыркнула из-под бровей косматых и платок цветастый поправила. Гадать на воде решили — все же Ночь на Ивана Купалу. Лиза принесла нам всем тазы и свечи. Ведьма сказала, что покажет наше будущее. Чтоб каждая в чистый таз крови капнула и волосы в нем в воде из пруда вымыла. Весело смеясь мы к пруду пошли по воду. Все набрали, а я подойти боюсь. Страх преодолеть не могу. А потом все же решилась. Наклонилась — воду зачерпнуть, и вдруг показалось мне, что смотрит кто-то на меня сзади из темноты. По телу дрожь прошла и в горле пересохло. Волосы тронули чьи-то пальцы, и таз из рук выпал... я отражение в водной ряби увидела. Черная тень за спиной промелькнула, и два желтых глаза в сумраке вспыхнули и погасли. Шуршание травы послышалось. Будто гигантский ползучий змей хвостом кусты разворошил. Несколько секунд я так и стояла оторопевшая и испуганная до полусмерти, пока сама себя не успокоила, что привиделось мне. Вина много выпили. И вода... я всегда ее боялась. Еще с детства. Зачерпнула тазом серебристую жидкость и пошла обратно к костру. Девочки тихо шептались, склонившись над тазом Лизы. Я ждала своей очереди и прислушивалась к тихому потрескиванию сверчков и кваканью лягушек. Звучи ночи... звуки вкрадчивого страха, он колючей паутинкой ползал по спине, невольно напоминая видение у озера. Когда мой черед настал, Баба Пелагея сама ко мне подошла, но едва над водой склонилась — зашипела, как кошка. Отпрыгнула назад, таз перевернув, а потом на меня вдруг пальцем указала:

— Уйдет пусть... уйдет немедленно. Ей гадать не буду.

Все на меня посмотрели, а я назад попятилась, глядя на женщину, которая словно рассудок потеряла, а та что-то шепчет и рассыпает вокруг себя розовый порошок, как пыль клубящийся в воздухе и не оседающий на землю:

— Не почуй, да не увидь деяния мои. Не услышь и не узнай. Не трогала... не смотрела. Не трогала... не смотрела... Убирайся, — рыкнула на меня. — Проданная ты. Проданная.

И я убежала. Куда-то через заросли. Голос ведьмы еще в ушах пульсировал, а ноги сами по траве несут к воде. Не помню, как упала в песок у самого берега. За траву уцепилась, а она пальцы режет и ладони, словно вперед сбросить хочет, окунуть в пруд ледяной. Я свое отражение в воде вижу, и что-то сверкает на дне, переливается в свете месяца. Руку протянула, как завороченная, сжала пальцами металл. А когда ладонь раскрыла, перстень увидела. Красивый до безумия с изображением змеи, свернувшейся вокруг янтарного камня. И корона у змеи на голове.

— Выбрось. Не надень. Наденешь — участь свою примешь страшную сама. Ни выкуп не спасет, ни молитвы.

Голос взорвался в висках, и в воде лицо старухи зарябило. Я назад отпрянула и кольцо пальцами сжала так сильно, что оно в ладони отпечаталось клеймом потом. Я снова побежала, только из-за темноты не к костру, а куда-то вглубь леса. Поняла, что заблудилась. Остановилась, по сторонам озираясь. И вдруг звуки все стихли вокруг, даже лягушки квакать перестали, и я замерла. Дыхание затаила. Присутствие чье-то опять ощутила. Глаза зажмурила и вздрогнула, когда волосы кто-то тронул, как и там у воды. Неспешно, словно перебирая длинными пальцами, обездвижив и лишив воли.

"Надень кольцо, Жданаааа, надень..."

Где-то шепот томный — то ли в голове у меня, то ли между листвой теряется.

Пальцы ласкают нежную кожу на шее там, где ухо, вниз ползут к груди по ключицам, едва цепляя напряженные от прохлады и мурашек соски, и кажется, горячие губы трогают плечо, спуская с него рукав блузы-вышиванки. А я чувствую, как пьянит меня голос этот, и касания, перышку

подобные, заставляют выдохнуть тихим стоном.

"Надень"

Проснулась я тогда в своей постели и так и не знала — приснилось ли мне это на самом деле, пока не увидела перстень на своем пальце и не начала его лихорадочно сдирать, но так и не смогла — шипы на теле змеи впивались в кожу, едва я тянула его с пальца"

Та змея была точно такой же, как эта. Долго смотреть на сапоги не удалось, меня грубо придавила к седлу чья-то рука. Не теплая, не холодная. Скорее всего, в перчатке. Внутри сердце забилося раненой птицей. Задергалось сломанными крыльями о прутья невидимой клетки, и капли крови слезами из глаз по щекам покатались. Страшно. Есть разные стадии страха, и мой сейчас достиг наивысшей точки. Самый что ни на есть панический и невыносимый, доводящий до истерики.

Но еще невыносимей было вот так висеть, я не выдержу больше, мне кажется, ребра разрывают мне легкие от ударов. Я задергалась, пытаюсь подняться и мотая головой, а чья-то рука на спине переместилась на затылок и вдавила в седло, ломая сопротивление. Заметавшись еще сильнее, я изловчилась и впилась зубами в ногу ублюдка, заигравшегося в какие-то жуткие игры. А если это мой сон, то со мной ничего не случится...

В этот момент меня сгребли больно за шиворот, сжимая рубашку вместе с волосами, подняли вверх. От неожиданности я задохнулась. Самое первое, что увидела — это глаза янтарного цвета. Настолько неестественного, что этот цвет на секунду ослепил меня, резанул по глазным яблокам огненной вспышкой, заставляя сердце забиться так сильно и быстро, что я опять начала задыхаться. Ни пошевелиться, ни крикнуть. Казалось, у меня отняли такую возможность. И все тело начало наполняться страшной дикой тоской. Я трепыхалась на вытянутой мощной руке в перчатке, продолжая смотреть в жуткие глаза с жидкой магмой внутри, она раскачивалась волнами вокруг расширенного зрачка, в котором мое отражение походило на птицу, бьющуюся в силках.

Он что-то сказал низким рокочущим голосом. У меня все еще гудело и пульсировало в висках... Похититель позволил моргнуть и выдохнуть, всхлипнуть от облегчения и, приоткрыв рот, смотреть на всадника, боясь даже моргнуть. Меня сковало оцепенением, как сковывает жертву перед удавом, и ощущение будто тело кольцами обматывает и сжимает сильнее и сильнее. Со свистом втягивая воздух, я смотрела в золотую бездну собственной смерти. Адская красота расплавленной огненной смерти. Меня мучил самый жуткий кошмар в моей жизни, он ожил, приобрел плоть и запах. Я была уверена, что желтоглазая тварь из моих снов вполне могла оказаться вот этим зверем. Потому что дьявол в седле мало чем походил на человека, скорее, на чудовище, спрятанное под людским обликом. Измазанное чем-то черным на щеках и под глазами лицо, лысая по бокам голова с полосой блестящих темных волос, заплетенных в косички и собранных в хвост на затылке. Кожа обветренная, смуглая или грязная. Белесые шрамы пересекли левую щеку у виска и у глаза. За спиной торчит рукоять, о боже... боже... боже... меча? Это какая-то ролевая игра? Квест? Я все еще хотела верить, что не сошла с ума, что есть какое-то объяснение или выход из этого лабиринта. Хотела верить, что все вот-вот закончится, и мне скажут, что меня снимали в какой-нибудь программе "розыгрыш". Но этот жуткий варвар со страшными звериными глазами, прожигающими меня из-под ровных густых бровей, не походил на актера... в поры на его лице забились сажа или пепел, меняя цвет кожи. Это не мог быть грим. Я знаю. Я играла в университетских постановках. Этой копоты несколько недель и... одежда на нем — не костюм сценический. Ее носили, стирали и заншивали. Я даже не могла понять, в каких веках так одевались и где, хотя историю всегда знала на отлично.

— Отпустите, — получилось пискляво и жалобно. И все же я нахлебалась воды, поэтому саднило горло. Во рту привкус тины и водорослей.

Глаза монстра сверкнули, словно по радужке прокатилась бликом молния. Нет, таких линз не бывает... как и глаз, в природе. У людей. И я вздрогнула. А он склонил голову к плечу, покрытому меховой черной накидкой, рассматривая меня и приподнимая выше, как драную кошку, взгляд скользнул по всему телу, которое облепила все еще влажная тонкая рубашка. Холодом и жаром окатило одновременно. Интерес в змеиных глазах вспыхнул обжигающим пламенем на секунду и тут же потух.

— Что ты там высматриваешь, Ниян? Не те нынче девки, да? Худые, тщедушные. Дохнут, как мухи, еще в дороге. Потап дрянной товар подсовывает уже давно. Не там кредиторов ищет, шельмец.

— Она меня укусила.

Задумчиво и очень удивленно. Наклонил к себе, а я зажмурилась, чтоб лицо это вблизи не видеть.

— На меня смотри, — приказом властным и беспрекословным. Словно ударил под дых.

Не могу. Мне страшно. Так страшно снова ощутить, как все тело льдом сковывает, и от необратимости дрожит каждый нерв, вибрирует ужасом на грани с агонией. Не хочу в глаза его

жуткие смотреть.

— Выбей ей зубы... Нет... не надо. Можно продать за желтый жемчуг... все равно на одну больше везем. Среди них истинной точно нет. Уж сколько веков...

— Заткнись, — рыкнул зверь, и второй голос оборвался, мгновенно воцарилась тишина, и смолк стук копыт. А я теперь только свое дыхание слышу и грохот, с которым сердце колотится. Похититель к себе наклонил еще ниже, а мне в нос ударил запах костра, сажи и чего-то еще. Мужской, терпкий и сильный аромат его кожи и волос настолько яркий и обволакивающий, что я невольно его втянула полной грудью. Рука в перчатке схватила меня за лицо, сдавливая скулы, поворачивая в одну сторону и в другую. Губу нижнюю вниз оттянул, и чувственный рот мужчины скривился в усмешке, от которой горло как удавкой перехватило. Не бывают люди такими... такими идеально жуткими и прекрасными одновременно.

— Маленькие... — потрогал зубы, а я дернулась, чтоб вгрызться в его палец, тут же сдавил щеки так, что от боли скулы свело. — Еще раз так сделаешь — вырву и зубы, и язык, поняла, смертная?

Голос имеет такое же действие, как и его взгляд — заставляет все внутри дрожать от первобытного ужаса. Отнимая желание жить и сопротивляться. Господи, когда я уже проснусь. Мне страшно. Мне так страшно.

— Разозлишь — не доедешь. Разве что в омут или в землю.

— Куда... куда я должна доехать? — вопросы такие глупые и бессмысленные, но мне неожиданно на них отвечают.

— В царство Дракона Смерти. И пока мы в дороге — я твой хозяин.

— Кто ты?

— Князь Ниян. Брат царя Вия. И ты теперь принадлежишь нам.

Выжидает, делая паузы, чтобы осознала каждое слово. Приняла свою участь. Только как ее принять, если мне все еще верить хочется, что проснусь. И все существо противится покорно принять то, что он говорит. Он не спешит, и все вокруг замерло. Как под гипнозом. А во мне пульсирует ужас, и боль в виски ударами отдает. И внутри поднимается ураган, пенится волна протеста и адской ярости. Я закричала, извиваясь в его руке, пытаюсь схватиться за запястье, но нечеловек держит ее крепко и даже не шевелится, кажется, его забавляет моя беспомощность, только зрачки сузились в тонкую полоску.

— Уймись. Это навсегда. Не игра, как вы, смертные, всегда считаете. Нет тебя больше. Там нет. Здесь пока есть. — и к себе дернул так, что наши лбы почти соприкоснулись, — ПОКА Я НЕ РЕШИЛ ИНАЧЕ.

— Кто ты? — истерически, срываясь на рыдание, — Кто... ты... черт тебя подери?

Снова голову к плечу и расхохотался так, что у меня по коже мурашки поползли. В туманном полумраке сверкнули белые зубы. Красивый и в тот же момент ужасный этой неестественной нечеловеческой красотой.

— Не знаю, кто такой черт, разве не к богу ты должна взывать, как и все вы? — улыбка пропала так же быстро, как и появилась. Он и не думал мне отвечать. А я вдруг поняла, что это и есть дьявол, только имя у него другое. И теперь он решает — жить мне или умереть. Я больше не принадлежу себе. От паники горло стянуло ледяными клещами. Я снова забилась в его руках, пытаюсь вырваться.

— Смотри мне в глаза. Не сопротивляйся. Будет больнее.

— Нет. Нееееет, — но он заставил смотреть глаза в глаза, и от боли все померкло вокруг, тоска скovyрнула все внутренности лезвиями острыми, заставляя слезы катиться из глаз. Варвар пальцами в перчатке по щекам повел и облизал их раздвоенным языком змеиным. По его четко очерченной широкой скуле волной чешуя промелькнула и исчезла, заставляя, оцепенев, втянуть воздух в легкие и выдохнуть рыданием. Он не человек... не человек.

— У смертных особый вкус слез — самый вкусный из всего, что я пробовал. Самый искренний. Но еще вкуснее твоя плоть и кровь. В следующий раз, когда ты скажешь мне "нет", я заставлю тебя плакать кровью. А пока что... прими свое первое наказание. Боль — это то, что вы, рабы, понимаете лучше всего.

Пульсирующий сгусток энергии взорвался в голове, ослепил, я почувствовала, как из носа потекла кровь и глаза закатились, снова давая провалиться в благодатную тьму.

ГЛАВА 3

Зелье змеиное отыскать не сумею я,

Золото глаз

На тебя поднять не посмею я.

Чешую загар —

Мне в осеннюю гарь

Уходить вслед за змеями.

Пылью под пологом голос мне полоза слышится...

Полные голода очи-золото в пол-лица...

(с) Мельница. Невеста Полоза

Я открыла глаза от того, что меня толкнули больно в плечо. Подскочила на месте, оглядываясь по сторонам с едкой надеждой, что мне все приснилось. И тут же как хлыстом по нервам понимание, что я все еще в своем кошмаре. В раскаленном пекле иной реальности. Где-то посреди полуденного зноя валяюсь под деревом на спине и тихонечко попискивает мелкая мошкара над ухом, а колоски щекочут лицо и голые ноги.

— Вставай, чего разлеглась? Или розги захотела? Здесь тебе не хоромы царские.

Пальцы невольно перехватили у ворота рубаху, чтобы прикрыться, и я вскинула голову на говорившего — низенький карлик с оранжевой бородой и всклокоченной такого же цвета шевелюрой. Нос картошкой и глазки маленькие под косматыми бровями. Наряд на нем пестрый из лоскутов ткани и туфли с закрученными носками, как у шута или скомороха, с бубенчиками на концах. И почему-то от этого жутко сделалось. От вот этих самых бубенчиков. Как издевательство рядом с воспоминаниями о потонувших в реке девушках и монстре со взглядом нечеловеческим.

— Что уставилась глазами бесстыжими? — я узнала тот самый голос, что с нечеловеком говорил до того, как провалилась в небытие, — у какие зеньки зеленые, словно омут русалочий. Ты на Князя Нияна ими так не пялься, в пол опускай и держись подальше. Гляди и выживешь.

Я усмехнулась и в полный рост поднялась. Приятно все же оказаться выше кого-то ростом. Обычно гномом называли именно меня и документы в магазинах спрашивали при покупке спиртного, а бывало, и в клубы не пускали. Но возвышаясь над рыжим шутком, так смешно коверкающим слова, я чувствовала себя великаном. Ощущение, что я участвую в ролевой игре на выезде, вернулось. Может, там за кустами камеры прячутся или там. Я осмотрелась по сторонам — ни шороха. Только листики на легком теплом ветерке подрагивают, зубчики кленовые едва трепещут.

— А ты чего раскомандовался, гном? У тебя синдром Наполеона?

Косматые брови взлетели вверх к ярко-рыжей челке. Это было бы забавно, если бы меня не трясло от страха и не казалось, что вот-вот тот самый Ниян появится и глазами своими меня наизнанку вывернет.

— Ты по-нашему говори, коли языка не жалко своего.

— Ясно. Значит, с всемирной историей здесь паршиво. Аааа телефона нет? Сотового? Я позвоню быстренько и никому не скажу. Я тебе за это вот что дам...

Потянулась снять серьги, но карлик прищурился, за руку меня схватил своей пухлой ручкой и дернул за волосы, заставив ойкнуть и замахнуться на него.

— Ты, девка, если жить хочешь — делай все, как велют тебе. Поняла? Здесь норовистые быстро умирают. Намного быстрее послушных. А теперь пошла к воде. Не то стражу позову, и тебя искупают насильно. Времени нет лясы с тобой точить. Грязная, вонючая и тинной с мертвой воды прет от тебя, как от болота. Пелагея косы вычесет и лицо закрасит наново. С чистым до отбора нельзя. Прознает Владыка и кожу с него снимет. Будешь безлица — изгонят тебя за Навь к чертогам мавичьим или Лиху одноглазому на откуп отдадут.

— Ну и козел ты, Гном. И разговариваешь, как в эпоху динозавров.

Хотелось руку протянуть и сдернуть с него парик, а потом заорать, чтоб прекратили этот идиотский спектакль немедленно, не то у меня истерика начнется.

— Я не Гном и не козел, а Врож.

— Вот да — с рожей у тебя, как и с ростом, не удалось. А душевая где? Я и сама помыться хочу после лап ваших и земли сырой.

Врож кивнул куда-то за кусты.

— В речке искупаешься. И словечки свои человеческие забудь. Нет здесь ничего из твоего мира. Рот на замке держи. Лицо скрывай и доедешь до Нави целой и невредимой, а там, гляди, выберет тебя царь, и заживешь в свое удовольствие.

— Вы все здесь чокнутые? Какой царь? Божеее, это когда-нибудь закончится. Ущипните меня кто-нибудь.

И тут же вскрикнула от боли — карлик сильно ущипнул меня за бедро.

— Сама попросила. А теперь давай иди в воду. Пока я добрый.

От одной мысли, что купаться придется в реке, по телу проползла волна мурашек.

— Я в реку не пойду. Нееет. Там холодно. Я и так замерзла. Не пойдууууу.

Гном пристально на меня смотрел несколько секунд, а потом ударил в ладоши:

— Бросьте ее в реку. Утомила она меня.

Тяжело вздохнул и отвернулся, пошел прочь, звеня бубенцами.

— Эй, Врожаааа, не надо... пожалуйста, я прошу тебя. Я воды боюсь. Мы же с тобой подружились... пожалуйстаааа.

Он ко мне даже не обернулся, а два немых стража вышли из-за деревьев, облаченные в черные одеяния, расшитые такими же черными блестками, напоминающими чешую, сверкающую в лучах солнца, они с бесстрастным видом схватили меня под руки и понесли к воде. Я брыкалась и громко кричала, пинала их ногами и пыталась вцепиться в одинаковые лица-маски ногтями, но безуспешно. Когда поняла, что меня сейчас просто швырнут в бездну, стало еще страшнее, кажется, легкие уже заранее разодрало от глотков воды и запершило в горле.

— Я сама... отпустите. Я самаааа. Мне больноооо. Пожалуйстаааа. Не надооо.

— Отпустите, — мне не нужно было оборачиваться, чтоб узнать — чей это голос. Я б его узнала из тысячи, потому что только он мне внушал неопишуемый ужас. Я помнила, какую боль испытала, когда нечеловек в глаза мне смотрел своими звериными и ломал меня изнутри, раздирал на части. И стражи напряглись. Руки сильнее на моих предплечьях сжались. Боятся они его. Их страхом в воздухе завоняло, как потом. Черная чешуя волной прошла по их лицам, и я задохнулась... осознавая, что таких спецэффектов еще не придумали в гриме.

Но какой-то части меня все еще казалось, что там за кустами, если долго бежать, вдруг обнаружится автомагистраль и машины на ней. Я ведь на земле. На человеческой земле. Ногами по ней ступаю. Вон солнышко светит. Вон колосья шевелятся, и вода сверкает бликами... значит, где-то есть люди. Нормальные. Как я. Меня поставили босыми ногами на колючую траву, и я ту же изловчилась и бросилась прочь, что есть силы. Туда к кустам, за которыми, как мне казалось, начнется цивилизация. Ящеры (иначе и не назвать) дернулись, но монстр поднял руку, останавливая их.

Не оборачиваться. Бежать и не смотреть. Не думать. Просто бежать, а как на дорогу выбегу, спрятаться надо будет и попуток ждать. В полесье дубы раскинулись могучие и густые, листва изумрудной зеленью пестрит и глаз режет. Земля под ногами влажная, чувствуется, что рядом вода, и прохладой икры обдает. Вроде все так, как и на родине моей, только есть одна странность противоречивая — тишина. Словно замерло все живое и затаилось в тревоге. Лягушки не квакают, птицы не поют, кузнечики не трещат. А должны. Я продолжала бежать, раздвигая руками листву, чувствуя, как волосы по спине хлещут, на лицо падают и в ветках путаются, а лес все гуще становится и темнее, вверху кроны деревьев небо закрывают. Словно ожил лес и зашуршал листвой, зашевелил корнями деревьев так, что земля под ногами забугрилась. И со стволов дубовых лица на меня смотрят одинаковые. Высеченные кем-то идолы языческие.

Задыхаясь и листву раздвигая все глубже и глубже, уже понимая — нет никакой дороги и выхода отсюда нет. Чертовщина какая-то. Я бегу-бегу и словно на месте топчусь, а ветки-лапы ко мне

тянутся, и корни лодыжки оплетают вьюнами. Ползут к коленям. Нервно стряхивая их с себя, бросилась вперед, зажмурившись. Не смотреть. Никуда не смотреть. Мне все это кажется.

Странный свист услышала и, прежде чем поняла что-то, на шее петля от веревки захлестнулась. От боли в глазах потемнело. Кто-то дернул ее с такой силой, что я на спину упала навзничь, вскрикнула от ужаса, а меня потащили за шею по земле, заставляя впиться руками в петлю, чтоб не задохнуться. Арканом поймали, как животное. Первое, что заметила, это ненавистные сапоги со змеями по бокам, и, судорожно глотая воздух, глаза распахнула, чтоб увидеть, как нависает надо мной, словно скала, чудовище с взглядом, как у самой смерти. Рывком за веревку вверх поднял, и я зажмурилась, чтоб в глаза его змеиные не смотреть страшные.

— Сдохнуть хочешшшшь, — зашипел в лицо, и меня подбросило, как от удара током. — Ты думаешь, ты в своем мире?

Пронес на вытянутой руке, как паршивого котенка, и подвесил над обрывом. А внизу камни острые и вода бурлит с оглушительным шумом. Тряхнул, а я закричала и в руку его сама впилась от ужаса, что вдруг выпустит.

— Еще раз так сделаешь — кожу сниму и здесь на дубе повешу, чтоб мошकारа жрала. Поняла, человечка?

— Пусть жрет, все ж лучше, чем ты жуткий.

Огрызнулась, и самой стало страшно, что сейчас он свое слово исполнит.

Раздался хохот, от которого мурашки по коже поползли с утроенной силой, и начали дрожать пальцы рук и ног. Наверное, так смеется сам дьявол, прежде чем погрузить тебя в кипящее масло. Я почувствовала, как меня все так же потащили за шкуру. Открывать глаза не хотелось. Я вообще не могла даже думать, меня лихорадило, и, кажется, каждый волосок на теле стал дыбом, а внутренности скрутило в узел. Нечеловек швырнул меня на землю, и в ноздри забился тошнотворный запах падали. Вонь, от которой все подступает к горлу, чтобы обжигать горечью отвращения. Я знала этот запах. Наткнулась как-то на мертвую крысу возле стока в городе. Она воняла именно так.

— Глаза открой.

Отрицательно качаю головой.

— Открой.

И тут же боль адская вспыхивает в голове, словно кто-то, вдираясь мне в мозги, насильно заставляет глаза открыть. И я открываю, чтобы всхлипнуть, увидев перед носом босые синие ноги в багровых пятнах, облепленные мухами. Голову вскинула и зашлась криком, быстро назад отползая — передо мной на ветке раскачивалось тело без кожного покрова, облепленное мошकारой.

— О божеее... боже...

Всхлипывая и закрывая рот руками.

— Увидела? Он тоже ничего не боялся и много разговаривал. Умирал долго и мучительно. Лучше с обрыва в Лиховодье.

Схватил снова за шиворот и через плечо перекинул. Я смиренно обмякла на нем, чувствуя, как от ужаса все тело занемело. Ничего более жуткого я в своей жизни не видела. Не игра это никакая. Я в каком-то проклятом аду, где творятся лютые вещи, и этот монстр с глазами ящера и жутким взглядом не станет три раза раздумывать, прежде чем и меня освежевать живьем. К горлу подступила дичайшая тошнота позывом к рвоте, и тело покрылось испариной.

В себя пришла лишь тогда, когда бросил на берег так, что упала лицом к самой воде.

— Мойся. Времени нет. Врож. Костры тушите — в путь пора. Врата с рассветом нам не откроют.

Я над водой стою на коленях, и мне отражение его рябит в темной глади. Огромный, как гора. Ростом выше двух метров. Голова лысая по бокам лоснится, и отчетливо видны татуировки над ушами, в которых с десяток железных колец с бусинами. А на меня смотрит исподлобья, и у меня от его взгляда в желудке все дрожит и трепещет. Глаза сверкают даже отражением в воде. Я еще никогда в своей жизни так не боялась. Словно этот страх первобытный мне в кожу впитался и колот острыми занозами бесконечно. Взгляд на лицо свое перевела и всхлипнула — щеки, нос и половина лба замазаны черной жирной краской. Одни глаза видно, рот и кусок подбородка. Не лицо, а маска от угрей какая-то. Зачем они это делают? Что это вообще означает?

Поднялась в полный рост на дрожащих ногах.

— Уйди. Дай помыться.

— При мне помоешься. Я за тобой бегать по кустам больше не намерен.

— А ты страже бегать прикажи или карлику своему. Ты же тут вроде как главный? — вырвалось само, и ту же душа в пятки ушла и сердце заколотилось с такой силой, что дышать стало нечем, потому что ко мне шагнул сапогами прямо в воду, за затылок взял и под воду рывком окунул. От неожиданности хотела закричать, но едва рот открыла — в него ту же затекла жидкость, а руки, резко выставленные вперед, окунулись в ил, и от гадливости по всему телу прошла волна отвращения. Теплая летняя вода рванула прямо в горло, и я начала силой барахтаться, пытаюсь освободиться от хватки мужской руки на затылке. И тут же меня вытащили наружу. К себе развернул, пока я кашляла и, захлебываясь, лицо руками терла, волосы мои назад убирал. А потом словно обмерла под его взглядом. Он лицо мое рассматривал, а в зрачке красные языки пламени переплетаются, и по щекам чешуя ползет черно-золотистая волнами. Жуткое зрелище. Медленно взгляд опустил к груди, и пламя начало вспыхивать кроваво-оранжевыми сполохами. Голодный взгляд, прожигающий до костей, и есть в нем что-то еще... не поддающееся определению. На меня так никогда не смотрели за всю мою жизнь. Словно сожрать хочет. Истерику накатывала издалека, и я вот-вот захлебнусь ею вместе с отчаянием и пониманием, что не мой это мир. Я где-то в ином месте совсем.

— Ниян.

Дернулся и пальцы разжал, а я снова в воду упала. На дне вдруг мелкие цветы раскрылись ярко-лиловые с белой сердцевинкой, к моей руке по воде тонкий стебель потянулся и запястье окрутил. С омерзением сбросила его и увидела, как стайка мелких рыб рассыпалась в разные стороны, а цветы водяные тут же закрылись.

— Ты зачем... зачем ее рассматриваешь?

Карлик брел по песку, перебирая маленькими кривыми ножками и брэнча бубенцами на носках башмаков. Дзынь-дзынь. Дзынь-дзынь.

— Не перед тобой отчет держать должен.

— Нельзя на них смотреть, сам знаешь. У нее лицо без краски. Как она смазалась? Стражи не видели ее?

Ниян страшный взгляд на карлика бросил, да такой, что тот шаг назад сделал.

— Ты, скоморох, говори да не заговаривайся. Место знай свое. Не указ ты мне. Пелагею кличь, пусть займется девкой, хлопотная она какая-то. Товар для Сторожа готов?

— Готов. Как и для Темнозара.

Я, тяжело дыша, смотрела на них, а потом взгляд на руки свои перевела — обе ладони измазаны черным. Потерла друг о друга и лицо свое потрогала. Судорожно выдохнула и опять почувствовала, как теперь уже вокруг лодыжки стебель обвился и потянулся вверх, как вьюнок. Дернулась вся и на берег попятилась, пытаюсь оборвать стебель, но он словно леска натянулся и сам рванул обратно, оставляя тонкий порез на пальцах. Я всхлинула и подняла голову — князь на меня смотрит, и ноздри его трепещут, раздуваются. И жутко, и красиво до боли в глазах, а от того еще страшнее становится.

ГЛАВА 4

Твой путь

Осенний ветер

Степной орел

Расправляет крылья,

Твой путь

Тугою плетью

Замечает каждый шаг пылью

Твой путь

По костям земли,

Твой путь

По цепям воды

На упругих лапах

Звери шли,

Чуя запах беды

(с) Мельница

Он их сотнями приносил за все эти годы. Один и тот же ритуал из весны в весну. Едва снег там, наверху, начинал таять и подтекать каплями ледяной влаги на границе, к нему прибывал гонец, и князь отправлялся наверх на гору, откуда, расправив обсидиановые крылья с золотой чешуей, нырял в лебяжьи перья облаков и рассекал их словно лезвиями, устремившись вниз к мертвой воде выбирать добычу. Его это обязанность была испокон веков, помимо охраны границ от вылазок Мракомирских тварей, коих тот выход в мир людей искать посылал. Ледяная мразота, загнанная в самые дальние углы Нави и затаившаяся, перед тем как нанести очередной подлый удар исподтишка.

Ниян поднимался на Чар-гору раз в году и уносил двенадцать дев, отобранных жрецами братства, а остальных в жертву царю Властибору отдавали. Неписанные законы баланса Яви и Нави. Из-за вечной тихой войны Земли с водным царством каждый год по весне оброк в десяток человеческих девственниц, иначе через Наводь не перелететь и ни в один ручей не войти не даст водяной узурпатор.

Долго потом Багрянка цветом алым полыхала, а над водой воронье взбудораженное кружило, когда на берег части тел выкидывало. Тех, кому не посчастливилось быть принятыми на дно морское, тех, кто были отданы юдам — падальщикам водным на съедение. Пищевая цепочка, как говорят смертные у себя в умных книжках. Иногда князь позволял себе побродить по Яви, посмотреть, как изменилась она, схватить на лету новую информацию, изучить людей и их повадки на воле. Врож ворчал, что как узнает царь и Светлые про вылазки эти, лишится он и титула, и привилегий и сошлют его в Межземелье, как Мракомира. И сам же одежду чистую подавал, и через плечо своему господину вешал.

— Днем ходи, ночью в лес возвращайся и больше чем от заката до заката не броди там.

— Вздерну я тебя когда-нибудь на веточке, Врожка, чтоб не умничал.

— Не вздернешь. Кто тебе котомку собирать будет и ждать, коли воротишься? Мамка и папка я тебе.

Ниян хохотал до дрожи листвы на осинках да березках и трепал оруженосца по рыжим космам. А сам думал о том, что мамка с папкой только у смертных бывают, а у них судьба иная совсем. Они матерей рождением своим убивают и бросают их, новорожденных, едва на свет появившихся, на камне ритуальном лежать, не важно — в холод или в зной, от заката до заката. Если до утра не камнеет младенец-дракон, то ему имя дают и в хоромы царские уносят, и пока в палатах празднество гремит, жрецы тело роженицы в жерло Чар-горы швыряют. Ее миссия выполнена, и

канет она в небытие. Иногда даже имени от нее не останется. Ниян своей не знал да и не думал об этом никогда. Ложь... думал. Часто думал. И понять никак не мог, если отцу в ноги кланяться надобно и перстни целовать, то почему с женщиной так жестоко... с той, что жизнь подарила. До поры до времени думал и перестал. Бесмысленны они, мысли эти. Воину ни к чему.

До отрочества при дворце жил, а потом присяга, оруженосец, меч в зубы и в войско царское воеводить, землю Навскую охранять. Отца видел лишь по празднествам великим, да войнам лютым. Не было у него ни мамки, ни папки. Врожка один. Преданный шельмец. А ведь когда ему карлика в услужение дали, психовал Аспид, деревья от ярости валил. Избавились от князя, еще и зверька в оруженосцы подсунули. Зря психовал. Врожка с виду только простака да оболдуй, а умен гад и прозорлив, с ним не одна битва была выиграна, и жизнь господину спасал не раз. Не силой, а умом своим тонким. Любил говаривать о себе, что шут он княжеский и на потеху господина приставлен, а девки по карлику сохли и страдали похлеще, чем за великаном мускулистым. Как не войдет по утрам к рыжему мракобесию, так у того по три девки в постели кувыркаются, ножки-ручки ему массируют.

— Ты, папка, договоришься когда-нибудь и без языка останешься.

— А развлекать тебя кто будет? Девки у тебя нет, жены нет. Один и один вечно зверем хмурым бродишь.

— Зачем мне девка, Врож? Война мне — и девка, и жена.

— Да уж зачем, коли всех потом к Чар-горе несут или в землю зарывают после тебя... Лютый ты.

— Не твое это дело, ясно? Не лезь туда, где, и правда, смерть свою можешь встретить, — и карлик замолчал, потому что знал, когда можно перечить, а когда лучше язык прикусить, чтоб, и правда, без него не остаться. Ниян непредсказуем в гневе, и нет у него жалости даже к тем, кто бок о бок с ним бился. Раз оступился и стал червем земляным, и хрустишь под железной подошвой воеводы раздавленный и мертвый. Мертвым быть никто не хотел. Как Обран, которого Ниян казнил за то, что золото смертных у него в котомке нашли. А ведь много лет бок о бок по землям навским скакали, от огня ледяного синего Мракомирского ожоги общие заимели и шрамы от стали аметистовой, ядом колдовским смазанной, на всех делили. Ниян с рук и ног вора сам кожу срезал, сам на дереве вздернул и умирать мучительной смертью оставил. Кто брата по оружию обманул — тот и предаст, тот жить не достоин, а коли выживет, на всю жизнь память останется о деянии его и каждому видно будет, кто он.

Все в Нави ждали, когда одна из человечек исполнит свое предназначение — родит Вию наследника, и станет его власть абсолютной, а трон неоспоримым. Для Князя невесты брата слились в череду одинаковых выкрашенных в черное лиц, которые являлись чистыми ликом лишь во время отбора, и полуобнаженных тел, извивающихся у костров в соблазняющих танцах. Царь выбирал одну и вел в свои хоромы... если выживет в первую ночь и понесет от него — женой сделается, а коли нет, то на замену ей другая выбирается, и так до конца года. А затем все они в жертву их отцу Чернобогу приносились на Чар-горе. В самые недра земли сбрасывали дев в лаву кипящую. Из земли вышли — в землю вошли. Некоторые из палат царя живыми не возвращались — лютовал Вий, злился, что веками не коронован на троне сидит по завету отца, и сучки смертные не плодоносят от него. Иногда он нескольких невест в месяц покрывал в надежде, что одна из них окажется той самой. Но князю было плевать, каким образом Вий со своими девками забавляется. У него иное предназначение, как в свое время у братьев отцовских было до переворота и войны. Лишь первенец трон получить может, и лишь от него истинная понесет продолжателя рода, только тогда полноправным Владыкой Нави станет. А до тех пор власть Вия кто угодно оспорить мог — даже Мракомир. Остальным братьям предначертано землю стеречь и через границу никого не пускать. Держать баланс света и тьмы. Мракомир в свое время ради душ людских этот баланс нарушил и был изгнан отцом в Межземелье.

С этой человечкой все иначе вышло. Наперекосьяк. Не так, как должно было. Совсем не так. Он ее случайно в лесу увидел. Схоронился перед возвращением в Навь среди папоротника, прилег на свой плащ, и голоса его разбудили, сквозь морок сна ворвались, заставив раздраженно веки поднять и подавить волну чешуи, прокатившуюся по мгновенно напрягшемуся телу. Привстал прислушиваясь — человечки на берегу хороводы водят. Глупые людские обычаи и ритуалы. Богам своим молятся и не ведают, как из ветвей на них глаза иных смотрят и насмеваются над верой их и песнопениями.

Ниян хотел было откинуться назад на плащ и глаза прикрыть уставшие после полуденного зноя — мир смертных слишком смогом наполнился, и дышать в нем стало нечем, как и негде развернуться. Калечат землю глупцы несмышленные, обозлится рано или поздно родимая, их всех в себе похоронит вместе с небоскребами, железными птицами и роботами на колесах. Все в Нави будут через мост правды идти — кто по лестнице к золотым куполам к Светлобогу, а кто в Кошеево царство в вечное рабство, не живыми и не мертвыми по Межземелью бродить и облик людской терять. Едва голову на котомку опустил, как тут же глаза распахнул, и зрачок из узкой полоски закрыл всю радужку и запульсировал, а ноздри затрепетали от аромата... тонкого, будоражащего разум, не людского и не

земного. Никогда не вдыхал ничего подобного ранее. Ни один цветок ни в Яви, ни в Нави так не благоухает. Тут же жарко сделалось и в чреслах сладко заныло, как никогда раньше. Как марью его окутал этот запах. Ниян к берегу пополз. Натренированный бесшумно, как змея, и в облике человеческого двигаться и взгляд фокусировать на деталях мелких да на шорохах. Ведомый неведомой силой. Что за чары такие колдовские тянут его нитями? И на берегу девушку увидел — босыми ступнями в воде стоит. Волосы цвета золота по тонкой спине кольцами блестящими вьются аж до колен, стан тонкий двумя ладонями легко обхватить, и ноги стройные просвечивают под тоненьким льном. Стоит и в заводь войти не решается... а у князя в горле пересохло и для вдоха в груди места не осталось. Он замер и взгляд отвести не мог, словно замороженный или зельем ведьминским опоенный. Сам не заметил, как приблизился настолько, что лицо ее в водной ряби увидел и... внутри раскаты грома раздались, словно ураган закрутил чертополохами, превращая в пыль все, что раньше испытывал, все, что вообще знал когда-либо о смертных женщинах. Когда-то слышал, как закаленные воины рассказывали о чарах русалочьих, что до одержимости и исступления доводили ликом своим и голосом, запахом цветов водных. Но чтоб смертная так вихрем под кожу ворвалась и в крови мгновенно маревом ядовитым растеклась, такого князь не слышал.

Видать, в темноте глаза его вспыхнули огнем золотым драконьим, а она вскрикнула и обернулась, но заметить не успела. Не суждено смертным взглядом движения детей Чернобога отследить. Князь затаился в листве, и взгляд оторвать не в силах. По телу волнами перекачивается неведомое доселе вожделение, и искры под кожей вспыхивают, как ядовитые укусы, заставляя подрагивать. Жадно образ ее пожирает, чеканкой выжигает в памяти, как кузнецы навские печать царскую жгут на золоте или на железе, так и она у него внутри оттиском кровавым осталась. И больше не было ему покоя ни днем, ни ночью. В Навь вернулся сам не свой. Девочка задрал с дюжину, а голод утолить не мог, Врож только и успевал могильникам знак давать, чтоб прибрались за господином, и головой качать да причитать, а то и хорониться от глаз хозяйских, чтоб под руку не попасть.

Ниян тогда в Явь повадился через одну луну "подниматься". Под ворчание оруженосца, что зачастил, и заметят его дозорные и донесут, куда не надобно. А он за ней следил. Неотступно по пятам ходил. За деревьями прятался, за стенами домов, с тенями сливался и прохожими на улице. Скользил по телу ее взглядом голодным и жадно пожирал каждую черту лица, жест, наклон головы. Иногда псы его чуяли и рычать начинали, но едва в глаза звериные смотрели, тут же хвосты поджимали и назад пятились. Да. Он царь всех тварей на земле. Точнее, его зверь, которого за версту чуяли.

А человечка словно ощущала его присутствие, оборачивалась, в испуге от воды шарахалась, если тень его позади себя замечала. Крестилась и богу своему молилась. Смешная. Забавная. На колени станет, руки сложит и шепчет что-то. Часами мог неподвижно наблюдать за ней, сливаясь с корой дерева и с листвой, теряя черты человеческие. Как-то дождь проливной лил, а он за ней шел, как обычно. Маршрут ее давно выучил. А она вдруг остановилась резко, наклонилась, что-то в кустах высматривая, а потом руку протянула, и Ниян оторопел от того, что увидел — зверька мягкого пушистого. С собой его унесла. Ворковала над ним весь вечер, молоком поила. Гладила. Не видела, как глаза змеиные желтые от окна к окну за ней следуют. Ему вдруг зверьком этим сделаться захотелось, чтоб пальцы ее касались так же нежно его волос. На утро зверька железная повозка задавила.

И его волной ее отчаяния окатило, как разрядом десяти тысяч молний, а от слез и всхлипываний в груди запрыгало, затрепетало, забило о ребра сердце, мучительно в камень сжимаясь. Человечка в дом побежала, а он возле зверька оказался, руку протянул и пальцами по тельцу бездыханному провел, протягивая нить золотую, тающую в воздухе вместе с искринками россыпью — жизнь еще одну подарил. Закон Нави нарушил. Зверек ушами зашевелил, и тут она выбежала с полотенцем, на колени упала и смеется, и плачет, зверька к лицу прижимает и целует. Ниян тогда впервые за много лет улыбался... потому что она улыбалась. Но потом вдруг подскочила, по сторонам оглядываясь, а зверек зашипел, на Нияна разумеется — ожил паршивец. Девчонка в дом свой, на коробку похожий, вернулась и двери на все замки позакрывала.

Имя он ей дал со временем. Ждана. Каждой встречи с ней ждал, словно анчутками*1 одержимый.

И от ярости крушил все и сжигал от понимания — не быть ему с ней. Не умеет Аспид с девками, не такой он. Его монстр слишком алчен до крови, не сидит внутри, а чуть что — наружу рвется и после себя куски мяса оставляет. А человечку куском мяса видеть не мог. Хотел такую. Живую. С глазами ярко-зелеными и кожей молочно-белой полупрозрачной с тоненькими венками, щеками с розовым румянцем и невесомым облаком золотых волос, с крошечными тонкими пальцами и пухлыми детски губами цвета ягод лесных. И этот запах колдовской кружил ему голову и сводил с ума. Он сам не знал, что это такое с ним, не знал и злился каждый раз, как из Яви домой приходил. Дракона на волю выпускал и летал в поднебесье иногда под сполохами молний и под градом ледяным, чтобы избавиться от морока и от сучки смертной, стереть лицо ее из памяти и голос, который паутиной мозг ему и сердце затягивал и сдавливал с силой адской.

Пелагея — ведьма старая, царской династии испокон веков род ее предан, неладное первая узрела и голову ему заморочила, что может он смертную к себе забрать, стоит лишь кольцо ей обручальное

надеть. Снять не сможет его никогда человечка, только с пальцем рубить надо, или сам князь кольцо забрать властен. Ниян тогда к бесам послал полоумную старуху и в поселении себе невольниц перевертышей взял — выносливые они и выживают иногда. Черта с два выжили. По утру долго от тел изуродованных назад пятился и лицо окровавленными руками тер. Забыть девку попытался, на вылазку отправился в Межземелье — Мракомирских искать и головы им рубить, и как кочаны капусты на копья вдоль дороги сажать приграничной... но ненадолго его хватило. По ночам смех ее слышал и голос проклятый, глаза и ресницы пушистые мерещились, брови коричневые тонкие и носик крошечный. Пошел-таки к кузнецу.

Выковал ему кузнец перстень с глазом драконьим нияновским один в один — под стеклом магма оранжевая пенится и беснуется, как и у него в зрачках, когда на человечку смотрит.

Взяла перстень ЕГО Ждана и на палец надела. Он от ликования рык на всю Навь издал такой, что деревья повалились и листва осыпалась посреди лета. Не принадлежала с момента того больше миру людей. Оставалось весны дожждаться и забрать ее после невест Вийевских. И он ждал. Холодел и горел одновременно от одной мысли, что ему принадлежать будет. Себе возьмет. Но не взял... с его-то счастьем, оно как всегда куда-то мимо пролетело да в братские руки утекло. Никогда не был зол на Вийя Ниян. Никогда не ревновал и не злился тому, что судьбы у них настолько разные, несмотря на то что оба сыновья Чернобога. Но пришло время, когда обожгло все тело изнутри кислотой огненной смертельной, когда летал между лодками, выбирая одну из невест, и голос ее услышал. Он бы его узнал, даже если бы марь на него ведьминскую напустили, и он оглох.

Подхватил лапами человечку и изнывал от едкого желания разжать когти и выпустить ее в Наводь, чтоб не слышать и не видеть никогда. Пусть вода сомкнется над ней и унесет тело на дно, и в илу схоронит, пусть юды ее сожрут. А он части тела выловит и сам закопает. Но не смог.

И вот стоит она перед ним, трепещет и дрожит, смотрит с ненавистью и ужасом, и запахом своим с ума сводит, а его трясет от ее близости и от глаз русалочьих цвета водорослей морских. Кожа бледная, едва солнцем подрумяненная и эти губы, от которых голову кружит и в горле дерет, как от жажды смертельной. Вблизи лицо ее впервые увидел, когда краска смазалась, и пожирал взглядом его диким алчно, жадно до рези в глазах. Красота у нее ослепительней солнца и ярче всполоха молний. Много он повидал их... не счесть сколько. Но только на этой его заклинило и не отпускало.

Князю до боли хотелось коснуться ее рта своим ртом, тереться о него своими губами и языком толкаться в горячую мякоть, биться о ее язык. Отобрать аромат ее дыхания и пропитаться им самому насквозь. Но перед глазами вдруг возникали ошметки тел каждой, к кому прикасался, и едким разочарованием ошпаривало с ног до головы, а вместе с ним и пониманием, что его Ждана Вийю достанется. Что чужой суженой он на палец кольцо надел и про метку не подозревал.

Идиот несчастный каким-то злом проклятый или опутанный чарами ведьмы смертной. Ведь определенно с ней не так что-то, иначе откуда запах этот вождеденно сладкий? Он хотел ее. Невыносимо и бешено, как зверь жаждет крови или боли своих жертв, так сам Князь жаждал девку эту. И сам не знал, как эта жажда называется и как утолить ее, чтоб источник не иссяк, не пересох или не сломался. А еще до дрожи отдавать Вию не хотелось, до ломоты в костях и сжатых до хруста челюстях.

Бежать ей дал, чтоб наедине насмотреться и запахом ее надышаться подальше от глаз чужих. Дура прямо к обрыву побежала, леса живого испугалась, а тот ее на верную смерть погнал, чтоб душу себе заполучить и в кронах деревьев спрятать. Едва Нияна почуял, тут же ветки-лапы замерли и корни шелестеть перестали. И правильно сделали, не то сожжет дотла каждую дровь, что дернуться посмеет. Как же невыносимо забрать ее захотелось себе. Сейчас же. Унести подальше и спрятать.

Дерзкая, своевольная и в глазах столько ужаса и ненависти, что ему окунуть ее надобно было и под водой подольше подержать, чтоб спесь сбить. А когда вытащил и личико совсем рядом увидел, в зелень колдовскую ее взгляда погрузился — пошевелиться не мог. Схлестнулось золото с изумрудами, сплелось в диковинный узор ненависти и жажды звериной.

Не стала дрянь упрямая мыться при нем, в рубахе в воду зашла. Рукава спустила и вымылась до половины сверху, а потом, приподняв подол, и спереди. А он позади нее стоял и трясся от похоти и боли в паху вместе с чудовищным напряжением в каждой мышце натренированной, до бусин пота на коже. И когда вышла, выкручивая низ льняной рубахи, у него ком в горле застрял и жаром обдало — мокрая ткань все тело девичье облепила и соски острые обрисовала. От едкого желания коснуться их — пальцы свело, и они в кулаки с хрустом сжались. В голове пульсация снова появилась нарастанием сумасшедшего давления.

— Не пялься так, — проворчал Врожка, — заметят. Что с тобой делается?

— Вон пошел, — прошипел сквозь зубы и резко взгляд от человечки отвел. Но перед глазами все еще осталась грудь ее округлая, кверху вздернутая и соски тугие. Во рту слюна выделилась от желания губами их обхватить и языком обвести.

— Я-то пойду...

— Вот и иди, не путайся под ногами.

— Я к тебе девок сегодня приведу, а про эту забудь. Не зря говорят, что на лица их смотреть нельзя. Как обезумевший ты, Князь. Сам на себя не похож.

— Изыди. Пока я тебя не удавил. Нет времени на девок. К вратам идти надобно.

Тряхнул головой так, что кольца зазвенели и хвост с тугими косами хлестнул между лопатками железными зажимами, а по коже едва заметно чешуя поползла, отливая розоватым золотом в лучах заходящего солнца. К бесам человечку проклятую. Все равно отдавать надобно.

Анчутка*1 — Одно из самых ранних названий беса, черта. Как и прочие русские демоны, они мгновенно отзываются на упоминание своего имени. Анчутки помрачают разум людей, пугают их своими стонами. Они могут изменять свой облик, чтобы ввести путника в заблуждение.

ГЛАВА 5

Как у ведьмы четыре крыла, платье до пола, ой, до пола.

Свили гнезда в ее рукавах совы, соколы да перепела.

Ай, дурная голова, в волосах листва, и руки красны.

Просит беса незрячей луны, чтобы за зимой не было весны.

© Мельница

Я узнала ее, ведьму старую, из той деревни, где мы праздник справляли. И хоть не была она на себя похожа в старых тряпках и дырявой косынке, а сейчас обвешана ожерельями и в сарафане расшитом с платком шелковым на седых волосах, я все равно ее узнала. И сердце глухо забилося, запульсировало в висках.

— Тыыыы, — вскрикнула я и бросилась к ней, но стража сцапала меня сзади за шкурку и потянула вверх. — Ведьма. Ты меня им сдала, да? Ты следила за мной?

— Уймите бесноватую. Царю покорные невесты нужны, а не эта бестолочь сварливая. Молчи. Хорош орать. Рот запечатаю звука не издашь.

Палкой-посохом о землю ударила, и мои стражи назад от нее шарахнулись. А сама вокруг меня ходит туда-сюда, осматривает с ног до головы.

— Буйная, но краса дивная. Не здешняя. Чужая краса. Волосы цвет свой меняют, как и положено в мире нашем. Сутки пройдут, Врожка, и надобно будет прятать лицо ее и косы даже от стражников. С ума она их сведет.

— Ты, ведьма старая, гадать мне не захотела. Видела я тебя. Ты меня им сдала. Ты, да? Ты что натворила? За что? Что я тебе сделала?

Я дергалась в руках стражников, а карлик и гадина даже не смотрели в мою сторону. Шептались, но мне все слышно было. Они это делали нарочито громко. И от этого страшно становилось.

— От Лиха ее схоронить надобно, чтоб не узрел, чудище похотливое, не то утянет лапами своими крюкастыми. Выкуп за проезд все равно давать-то надо.

Подошла ко мне. Грудь пощупала, лицо покрутила в разные стороны, живот потрогала, бедра, ягодицы..

— А ну придержите ее, уложите на траву и ноги раздвиньте.

Меня, как травинку, пополам перегнули, навзничь опрокинули и колени в стороны развели. Я заверещала так громко, что самой уши заложило, а ведьма надо мной наклонилась и рукой между ног пошарила.

— Исцарапаю, глаза тебе выколю, змеюка. Не трогай меня, — от ужаса даже скулы свело и пальцы скрючило, вывернутые стражниками. Старуха на них лицо подняла и шепчет хрипло, жутко губами шершавыми даже на вид.

— Трава с мхом смешается, цветы в землю вrastут лепестками, солнце померкнет... глаза видеть перестанут, уши слышать перестанут, уста говорить перестанут. Замрите.

И посохом по земле трижды ударила. Пальцы стражников окаменели на моих коленях мертвой хваткой.

— Впусти, не то испорчу, коли девка. И по рукам пойдешь, а не во дворец царский. Я убедиться должна, что товар хороший.

— Я тебе... аaaa... не товар. Не тронь, меня, ведьма проклятая.

Пелагея лицо, испещренное морщинами, ко мне склонила.

— Угомонись. Тебе же лучше будет. Не твой это мир, законы иные, и не люди мы все. Избрана ты. И судьба твоя сейчас решается в дороге этой. Отбор естественный жесткий — у меня таких чертова дюжина, и далеко не все доедут до дворца царского. В земле схоронят их — кого целиком, а кого по частям. Хочешь себе доли такой? Помереть в Межземелье бесславной человечкой без рода и без имени? Али попробуешь трон занять рядом с царем нашим? Не желаю зла тебе и больно не сделаю.

Трон мне ваш на фиг не нужен, а вот умирать не хотелось. Совсем. Страшно она говорила так, что по коже паутина липкая ужаса растягивалась. И глаза ее черные красными точками в зрачках светились, как у волчицы дьявольской в ночи. Но от чего-то поверила я ей, что зла не причинит, и перестала биться, и позволила ей себя ощупать, губу закусила, когда ее холодный палец внутрь скользнул. А ведьма с колен поднялась и к воде пошла, руки сполоснула.

— Девка она. Веди к остальным, пусть вымоется да переоденется. Голубое ей все приготовь, золотом расшитое. Лазурянка ее назовем. Гляди, волосы какие становятся. Цвет свой меняют.

— Не Лазурянка... Ждана я.

Ведьма глазами зыркнула, и снова зрачки красным сполохнули.

— Умная какая выискалась. Кто сказал, что имя сама себе выбрать может?

Врожка пожал плечами.

— Ждана так Ждана. Уводите.

И я наконец-то увидела девушек, о которых все говорили, и так странно стало, что раньше ни звука от них не слышала и не видела ни разу, а оказывается, они совсем рядом в воде плескались гольшом. Едва меня завидев, замолчали, рассматривая. Странно рассматривая, словно я чем-то от них от всех сильно отличаюсь. Зашептались и снова смотрят. Приветствовать не торопятся, а мне и не надо. Я не из тех, что друзей везде ищут. Я больше любила в одиночестве, с Лизкой тоже случайно сдружилась, и то она нашу дружбу и поддерживала. Не умею я дружить. Слушать могу, рядом быть, а веселиться и развлекать плохо умею, иногда невпопад смеюсь, иногда говорю лишнее в глаза.

Отошла от них и воду на себя из ковша вылила. Вокруг ног водоросли обмотались, но я решила в панику не впадать. Мелко здесь и девушки рядом. Ничего не случится со мной. Не утащат на дно.

— Царь, как космы ее страшные увидит, тут же ее в яму бросит. Тоже мне конкурентка. Врожка, как всегда, пугал нас.

— Та ну, неправда. Красивая она. Волосы голубые, как у русалок рисуют, и тело белое, солнцем нетронутое.

Ярко-рыжая девушка бросила на меня быстрый взгляд. А я нахмурилась и в воду посмотрела. Наверное, я вскрикнула, потому что они расхохотались.

— О, волосы свои увидела. Эй, человечка, так всегда бывает. Вы тут страшными становитесь. Не светят тебе царские объятия.

— Забава. Прекрати.

А я на свое отражение смотрю и губами шевелю, пальцы волосы трогают, и в груди дыхание застряло — ни вдох, ни выдох сделать не могу. Еще несколько часов назад они были золотистыми, а сейчас светло-голубыми, почти белыми, я к лицу пряди поднесла, рассматривая, намочила, потеряла и снова смотрю — цвет стал ярче и насыщенней. О боже, что ж это за место такое, неужели мне, и правда, все это не снится?

Бросилась за кусты, чтоб они не смотрели на меня и не смеялись.

— Эй. Человечка. Мойся быстрее, а то скоро Врожка с воды выгонит. Так и будешь тиной вонять.

Я осмотрелась по сторонам и снова ополоснулась водой. И чем мне мыться, у меня только ковш. Ни мыла, ни шампуня. Только подумала, по воде бутыль подплыла. Да, Пелагея давала с собой, а я, когда раздевалась, на берегу оставила.

"Ждана". Сама не знаю, зачем именем этим назвалась, оно в голове прозвучало в этот момент, и я его и сказала. Снилось оно мне. Открутила крышку с бутылки, понюхала жидкость — цветами пахнет диковинными. Щиколотки снова опутали водоросли, но я уже и внимания не обратила, на голову из бутылки жидкость вылила, моля бога, чтоб дурацкая голубая краска смылась. Как вдруг ощутила скольжение по телу прямо под водой. Замерла с поднятыми к голове руками, и глаза открыть не могу, мыло зайдет. Сзади всплеск послышался, словно что-то большое из-под воды вынырнуло. От страха дышать стало нечем.

— Так и стой, и глаза не открывай.

Голос зазвучал внутри головы, а не в ушах. Тот самый, что имя мне придумал. Хотела вскрикнуть и не смогла, словно удавкой горло стянуло и ни звука не вышло. Тяжело дыша, застыла вся в мыле, дрожащая от страха и от ощущения полной беспомощности. По ноге кто-то ладонью ведет, и я сама

дыхание сзади слышу. По ягодицам вверх к пояснице чем-то острым, по позвоночнику к затылку.

"Рук не опускай... Да, вот так. Не шевелись, Ждана".

И голос этот дрожь во всем теле вызывает, вибрирует где-то внутри струнами тонкими, и в тот же момент сбросить чары хочется, и страх сковывает все тело. Пальцы скользят по талии к груди прохладные, дразнят соски. Внизу живота начинает трепыхаться что-то невиданно острое и мощное, оно отдает к скрещенным и сжатым ногам.

"Красивая, Ждана, смертельно красивая человечка с лазурными волосами. Ты меняешься и еще краше становишься. Так бы и смотрел вечность на тебя"

"Кто ты?"

"Не важно... тебе нравится, когда я прикасаюсь к тебе?"

"Нет"

"Лжешь, маленькая человечка. Тебе нравится. Особенно вот так"

Сжал соски, и я приоткрыла рот. От кончиков груди резким прострелом возбуждения вниз так, что запульсировала плоть.

"Маленькие, острые, тугие".

"Не смей"

"А кто мне запретит? Ты?"

Пальцы скользнули между ног и, раздвинув складки, погладили, и я внутренне взвилась вся, а тело зануло от попытки пошевелиться. Тщетной, как и попытка вскрикнуть.

Трение прохладной кожи подушечки пальца о выпирающий острый клитор, и я чувствую, как под закрытыми веками жжет то ли от мыла, то ли от слез.

"Мерзко... мерзко мне. Не прикасайся"

"Как же сладко ты лжешь".

Скользит между складками прямо внутрь и трепыхается у самого входа, и я внутренне трепыхаюсь от каждого движения. Задыхаясь от ненавистного удовольствия и понимания, что даже не вижу ублюдка, посмеявшегося так нагло трогать меня под носом у стражей, Врожки, Монстра и ведьмы. Ощущая, как нарастает ураган внутри. Незнакомый, такой болезненный и сильный, как надвигающийся смерч с огненными искрами.

Раскаленными кольцами вьется адское удовольствие между ног там, где палец умело и настойчиво выписывает одинаковые круги. Вся краска к щекам прилила, а пошевелиться не могу. А он дразнит, сжимает пульсирующими движениями, заставляя выгнуться в немом крике, и, сильно сжав ноги, замереть перед тем, как забиться в оргазме.

Выгнувшись в пояснице и запрокинув голову, дрожать в судорогах невыносимого наслаждения, сжимая его палец бешено сокращающейся плотью и чувствуя, как слезы градом катятся по щекам.

"Ждана моя, красивая, сладкая... хорошо тебе?"

"Отвратительно. Ужасно. Кто ты? Тело насиловать и прятаться от глаз. Испугался?"

— Все на берег вышли.

И тут же тело отпустило и голос вернулся. Выдохнула, всхлипывая, закрывая грудь руками, оглядываясь по сторонам — никого. Только в кустах что-то закопошилось, и хвост длинный исчез за листьями, или показалось мне. Слово привиделось все... но тело еще сладко ноет и дергает плоть отголосками наслаждения.

Я к берегу побежала, полотно льняное схватила и тут же обмотала вокруг тела.

— Ты чего дрожишь, смертная? Вода теплая.

Обернулась, а на меня карлик не моргая смотрит.

— А ну наклонись, лоб потрогаю. Лихорадки нет? Чего щеки красные, губы пунцовые?

А мне мерзко сделалось от мысли — вдруг это он меня трогал или стражник вот тот здоровый. Или

вон тот с глазами красными. Но сказать Врожке побоялась. Вспомнила слова Пелагеи да и самого карлика о том, что трогать и смотреть нельзя. Кто знает, что мне за это могло быть.

"Правильно. Зачем им знать наши тайны, Жданаа моя?"

"Не твоя. Ничья я. И тайн у меня с тобой нет никаких"

— Одевайся. Уезжаем мы. Завтра уже границу с Межземельем пересечем.

ГЛАВА 6

Зов крови

На броне драконьей

Полыхнуло солнце

Зов крови

Давно ли ты понял

Что никто не вернется

На великой охоте

Начинается день,

Пляшет солнечный знак

На струне тетивы

За спиной бесшумно

Стелется тень

В переплетенье

Из жесткой травы

©Мельница

Дальше нас в повозке везли, загнали всех в крытую кибитку, запряженную двумя лошадьми, и по обе стороны от повозки охрана вышагивает. Топот их сапог слышно так отчетливо, что кажется под ними земля дрожит. В дороге все притихли, и я не знала от чего глаза у девушек округлились, и все они молча переглядываются, словно боятся. И я, как не от мира сего, не знаю, что там впереди нас ждет. Чем дальше, тем темнее становится, а ведь день еще не закончился, не так долго едем, и солнце в зените в самой было, когда нас всех под полог загоняли. Воздух становится насыщенно вязким, как будто серой отдаёт и болотами топкими, страшными. Всегда водной заводи боялась, а этой люти и подавно. За мешковиной повозки факелы вспыхнули. Я, конечно, пытаюсь называть то, что вижу вокруг себя, так, как привыкла, как знаю из учебников и вообще исходя из личного опыта, но, к сожалению, тот материал, из которого сделана крыша повозки, да и тот, из чего сшита одежда воинов, мне неизвестны.

— К перепутью приближаемся, Ниян?

Голоса вывели из оцепенения и задумчивости.

— Не знаю. Сигнального костра нет на берегу.

— А ты уверен, что раньше-то огни эти были, а не обманки?

Ощущение, что я все еще сплю, вернулось с прежней силой. Все эти разговоры об огнях, о вещах, которые, казалось бы, не существуют в наше время, продолжали вводить в ступор.

— Уверен. Окружите повозку, и идем за мной шаг в шаг. Ни одного звука. Не нравится мне тишина эта замогильная.

Кто-то из девушек всхлипнул.

— Боязно как... и холодно.

— Молчи. И так страшно до лихорадки, а еще ты тут зубами стучишь и беду кликаешь.

— Лихо боюсь... говорят, как выкуп запросит — не отдашь, утопит в топях живьем. Не все невесты до места назначения доезжают... мне бабка рассказывала, как в дорогу собирала. Лихо девок себе отбирает. А потом их тела находят в черной заводи без внутренностей. Он их сначала...

— Молчи. Много болтает бабка твоя. Почует кто, несдобровать ей будет.

— Тшшш... там... вой какой-то. Мамочкииии.

Я тоже услышала, и по коже мурашки пошли. Страшный звук ни на один не похож, всю радость вытягивает из души и из тела, от ужаса пальцы немеют и волосы начинают шевелиться на затылке. Что это, господи? Какие еще твари притаились в этой жути? Вроде на вой волков похоже, но намного грубее, как не вой, а рык с завыванием. И силу имеет звук этот невероятную, цепенеть все тело заставляет.

— Мракомирские псы... — прошептал кто-то, — это... это Мракомир. Рядом он, колдун проклятый.

— Тихо ты.

— Обманники, князь. В ловушку завели. Мракомир-сука, вражья его душа, заманил, али предал нас кто?

— Не ной, Врожка. Выберемся.

— У нас воинов мало, не выстоим против колдуна проклятого.

— Выстоим, я сказал. Уйдем сейчас через мост.

— Не успеем, нынче солнце быстро спрячется, повозка тяжелая по тонким горящим доскам не проскочит.

По каким горящим доскам? Мы где вообще? Вздогнула и осмотрелась по сторонам, все сидят и в темноту глазами, расширенными от ужаса, смотрят. Вой становился все отчетливей, и земля начала подрагивать от приближения чего-то необратимого и ужасного. И кажется, никто из девушек то ли не слышит их, то ли не понимает. Или впали в какой-то транс.

— Будем проскакивать через мост. Девочек из повозки забрать. Повозку бросить.

В ту же секунду полог откинулся, и нас начали по одной вытаскивать наружу. От сильного запаха серы я задохнулась и закашлялась, в глаза дым едкий влез и заставил зажмуриться. Чьи-то руки подхватили за талию и вверх подняли. Ощутила себя в седле и... и вдруг запах уже знакомый в ноздри забил, заставив сердце несколько раз дернуться. Тяжелая ладонь легла на живот и к сильному телу прижала. Я глаза распахнула, и их снова резануло едким дымом.

— Зажмурься, человечка, и не дергайся. Чем крепче держаться за меня будешь, тем больше шансов, что с седла в огненную пасть Нави не свалишься.

А сам меня к себе прижимает, сильнее и сильнее, так, что дышать больно и от страха все внутри клокочет. И не только от страха... я этот голос узнала. Он... он, это он меня трогал в озере. Только в голове моей звучал иначе, чем сейчас... как два разных. Но одному принадлежат. Князю Нияну.

Дернулась, но меня сжали с такой силой, что дышать стало нечем.

— Задержи дыхание, смертная. Не то задохнешься.

Конь под нами начал метаться, словно под ним зыбкость какая-то, дергается, и меня с силой подбрасывает в седле. Страшно до жути, и я все сильнее впиваюсь в руку князя ногтями. Вой раздается совсем близко, и меня к седлу пригибает, в воздухе свист раздается, и кто-то глухо стонет позади, рычит. Я глаза распахнула и от ужаса закричать хотела и не смогла. Перед моим лицом пастью клацнула жуткая облезлая до костей и мяса тварь с выпученными красным глазами. На клыках слюна нитками блестит, и язык выписывает круги, а на нем шипы вибрируют.

— Давай, родимый, быстрее, ну же, — рычит над моим ухом князь и вздрагивает, налегая сверху, а свист и адский рык где-то совсем рядом доносятся. Я сколько могла дыхание держала, а потом взмолилась.

— Не могу... умру..

— Терпи, человечка, нельзя, — и голову мою к себе придавил, глаза закрывая ладонью, — терпи, сказал.

— Все, горит мост, Ниян, горит. Не успеваем.

— Гони. Гониииииии. За мнооой.

И словно в воздух взмыли, дух захватило на мгновения, и перед глазами точки пошли и круги. Конь с силой приземлился на что-то твердое и громко заржал.

— Дыши. Давай. Дышиии, Ждана.

Глотнула воздух, и голова закружилась, а рука все так же сильно сжимает, и дыхание затылок печет.

— Дыши, — шелестом воздуха по коже, и по затылку мурашки рассыпаются, и щеки горят от воспоминаний, как эти ладони тело мое гладили и грудь сжимали в воде.

— Вы... ты...

— Молчи.

Рычанием, но тихим и едва слышным, и пальцы все сильнее мнут ребра, а губы трутся о шею шумно мой запах втягивает, вызывая табун мурашек.

— Все. Все целы вроде. Ты чего, князь, в девку вцепился, отпусти. Целы все, говорю. Подсчитал всех. Проскочили без потерь. Пару ожогов у воинов. Пелагея, ведьма старая, мази с собой дала, сказала — за тобой в топи в этот раз не пойдет. Может, она предала и путь выдала? С нее станется, гадина косматая.

Руки, сжимающие мое тело, разжались и, подхватив под мышки, спустили на землю. Глаза все еще слезились от разъедающего их дыма, но я всматривалась в мужественное идеальное лицо князя, поросшее длинной щетиной, и снова ощущала, как сердце то замедляет свой стук, то ускоряет. И внутри все стонет и тянет от мысли, что он касался, он тело опутывал колдовскими пальцами. Он ласкал.

— Она слишком за шкуру свою боится, знает, что кара страшной будет. Не рискнула б Пелагея.

— Мракомир мог всех благ наобещать, тварь подлючая. Никогда он еще так близко к нашим землям не рыскал. Ты цел?

— Так. Пара царапин. Некогда рассиживаться.

— Ох. Ты ж батюшки. Пара царапин, говоришь?

Повернулся спиной ко мне, и я глаза широко распахнула и втянула воздух.

— Тихо, я сказал. Не причитай. Неси новую одежду.

Его спина превратилась в кровавое месиво. Следы, как от огромных когтей, разорвавших плоть князя до мяса. Вспомнила, как придавил всем телом к холке коня, и нахмурилась — собой от огненных пастей мрако-псов закрыл?

— Что уставилась, человечка? Глаза опусти и не смей на воеводу пялиться. Не то я те зеньки сам повыкальваю и откуп Лиху отдам.

— Оставь, Врожка. Не пугай понапрасну. Ступай к женщинам, рабыня.

Я не сдвинулась с места.

— Чего стоишь? Сказано, вали отседова. Уставилась она. На смотрины разрешение получить надобно. А ну пошла прочь.

Мерзкий карлик хлыстом замахнулся, а князь за другой конец выдернул хлыст и Врожку за шиворот в воздух поднял.

— Я приказ отдавал хлыстом махать?

— Так пялится она. Не слушается.

— То не твоя проблема, шут. Знай свое место подле моих ног и нос не в свое не суй.

— Горе нам от нее будет. Беда. Не надобно вам вот так общаться. Владыка прознает и...

— Не лезь. Просто не лезь в это, и все.

Я осмелилась сделать шаг вперед, и в то же мгновение Ниян на меня посмотрел, и я задохнулась от ужаса, когда передо мной огонь вспыхнул стеной от взгляда его.

— Сказали тебе — прочь пошла, значит, пошла.

— Я... я могу раны смазать. А он... он пока другим поможет.

Врожка быстро закачал отрицательно башкой своей непропорционально большой. И в тот же момент пальцы князя разжались, и тот кубарем покатился по траве ярко-зеленой.

— Давай мажь. А ты иди посмотри, что там другие расселись. Скажи, дальше двигаемся.

Языки пламени вниз спустились и вроде, как и погасли, но в траве крутились мелкими змейками, я когда ступила, они в разные стороны рассыпались, уступая дорогу. Подошла сзади, а у самой тошнота к горлу от ран его подступает и трясет всю от страха, что, если не смогу, он меня вот так испепелит в две секунды. Угольки одни останутся.

— Большой вы очень, князь. Сели бы куда. Я не достаю.

Сел на поваленное бревно, спиной ко мне. Ноги раздвинул и вытянул вперед, а я смотрю на расплавленные голенища сапог, и снова внутри все дрожать начинает.

— Ты чего там замерла? Если не знаешь — что делать, вон пойди.

— Там... там все в кожу вплавилось. Мне бы воды набрать. Отмочить от ран, повытаскивать куски. Божеее, они так глубоко.

И со свистом воздух втянула, когда он рубаху через голову стянул. Перед глазами потемнело от понимания — какую боль только что испытал. По спине князя потекла кровь тонкими струйками.

— Рубахой оботри и мажь дальше.

Мазь на пальцы набрала, а она из темно-зеленой вдруг стала на глазах изумрудной, я вздрогнула и баночку выронила в траву, и так и застыла.

"Если змевицу водную багряную растолочь в водице, ее яд рану затянет, а так нет спасенья от когтей мрако-псов, загниют раны у тебя на глазах". От звука старческого голоса бабки Пелагеи, который в ушах зашелестел, вся кожа покрылась мурашками. А рытвины кровавые на спине мужской становятся все глубже, словно разъедать их что-то продолжает.

— Мне воды совсем немного надо. Рубаху смочить.

— Давай, только быстрее. — не стонет, но я слышу, что с трудом каждое слово дается.

Я к озеру бросилась, едва сандалии скинула и в воду зашла, как увидела — по дну вьюном цветы красные ползут, на кораллы морские похожи, лепестки тугие мелкие на чешую похожи, и я, наклонившись к воде, цветок пальцами взяла, а он вдруг шипами прямо в кожу впился.

— Быстрее, смертная... быстрее, черт бы тебя побрал.

Я быстро надергала алых чешуйчатых головок и мазь зеленую из банки выковыряла — она с шипением в воду шлепнулась, а я цветы пальцами давлю, и они мне до крови колют руки. Сок вместе с кровью выжимается в банку, густеет на глазах, становится вязким. На негнущихся ногах вернулась к князю, а самой страшно и понятия не имею, что наделала. Только внутри уверенность, что все правильно, что поможет мазь из змевицы.

Я осторожно, зажмурившись, на рану намазала.

— Ты что ее нагрела?

— Неет, — боязливо головой отрицательно закачала.

Повела по длинным следам от когтей очень осторожно, а у самой руки дружат, там на его коже по всей спине дракон нарисован или выжжен. Нет, не красиво, не так, как татуировки набивают, а словно кто-то наживую выжигал на нем эту тварь.

— Ты что-то делаешь или уснула?

— Я осторожно, чтоб больно не было.

Голову резко в бок повернул, и мне профиль его точеный видно. Длинные тонкие косички с кольцами по плечам змеятся, и едва отросшие волосы над мочкой уха не скрывают черную татуировку — какие-то иероглифы мне неизвестные. Скула, как художником нарисована. Веки опустил, и ресницы тень на щеки бросают.

— Боль — это жизнь, смертная. Если больно, значит, не сдохла еще. Боли радоваться надо.

— Зачем делать больно, если можно осторожно, если можно от нее избавиться.

От мази на глазах раны затягиваются, а я вниз веду к пояснице и поясу штанов. Спина у него очень

сильная, широкая с бугрящимися под смуглой кожей мышцами, они так и перекатываются под моими ладонями.

— Зачем врага от боли избавлять?

— Вы меня закрыли от псов. Я знаю. Это из-за меня раны...

Резко на ноги вскочил и выбил мазь у меня из рук.

В глазах языки пламени дергаются, и брови ровные на переносице сошлись.

— К девкам иди. Хватит дурью маяться, вы, смертные, ни на что не годные, кроме как подышать под навскими владыками, раскинув ноги в стороны.

А я на его голый торс смотрю, и дышать становится нечем, кожа лоснится от бликов разведенного невдалеке костра, мощное тело, напряженное, жилистое. Каждая мышца рельефно прорисована, на груди все те же иероглифы и какой-то орнамент там, где ребра. Он дышит, а его живот плоский то поднимается, то опадает с тонкой полоской волос, убегающей за пояс узких штанов. Подняла взгляд на его лицо, и щеки полыхают от того, что осмелилась нагло рассматривать, с глазами князя встретила, и в горле пересохло с такой силой, что я даже сглотнуть не смогла. На меня еще никогда так не смотрели, мне показалось, что от этого взгляда я сама плавлюсь изнутри, горю. Голод в глазах его первобытный, мужской или плотоядный — я так и не поняла, но от этих завораживающих змеиных глаз все тело задрожало, и волны невозможного удовольствия по нему растекаются, и соски снова сжимаются в тугие узлы, и хочется, чтоб снова их трогал... как там в воде.

— Врожка, — рывкнул так, что воздух задрожал и уши заболели, — почему простоволосая ходит и лицо не закрашено?

Врожка как из-под земли появился, то на меня смотрит, то на барина своего.

— Так обтерлось. Прыгали-скакали. А краску наносить некому. Пелагеи нет.

— Накидку ей найди самую грязную и засаленную, волосы сажей обмажь. Пусть их спрячет и лицо капюшоном закроет. С Таиром в конце самом поедет. Что у других с лицами?

— Я не проверял, барин. Но могу проверить.

— Проверь. Как к границе приблизимся, чтоб не пялились на девок стражи лесные. Повозки нет с нами. Одноглазый ошалевает, черт наглый, и начнет требовать, кого не положено.

— А кого не положено? — округлил глаза Врожка. — По правилам любую забрать может.

Князь сверкнул глазами, и шут скукожился весь, подобрался.

— Изыди, Врож, не зли. Не то в довесок с откупом пойдешь. Рубаху мне найди чистую.

Врожка меня за руку схватил и как раз за собой потащил, как вдруг стал словно в землю вкопанный.

— Чтоб меня черви навские живым обгладывали.

— Что такое?

— Ваши раны...

— Что с ними? Гниют?

— Нет... то есть их нету.

Я сама от удивления замерла — вся спина воеводы чистая, словно и раны ни одной на ней не было никогда. Только дракон уродливый крыльями колышет, когда князь напрягается или руками шевелит.

— Пелагея зелье, значит, новое состряпала.

— Нет. Зелье то же, что и всегда. Я спрашивал, когда брал. Да и что сучка старая уже может наварить, все одно и то же веками. Черное колдовство вне закона, а белым она и так промышляет.

Они друг на друга посмотрели, а потом на меня.

— Та нет. Смертная — она бесполезная. О мире нашем вряд ли представление имеет.

Я медленно выдохнула и стараюсь на склянку с красной мазью не смотреть, чтоб и они не увидели. И самой страшно — откуда знаю все это, или кто в уши нашептывает. Проклятое место. Не знаю, что с ним не так, и все страшнее становится и тревожнее.

Дальше Врожка распорядился, чтоб воины нас везли каждый в своем седле. Я теперь с кем-то другим сидела, от него пахло невкусно и неприятно, и руки меня держали иначе совсем, локтем давили к себе, как неживую. Словно трогать запрещено было ладонями. Я взглядом князя поискала, и когда нашла, пальцы сами сжались в кулаки — с ним Забава теперь ехала впереди, я по накидке узнала — она у нее цветами расшита, как она сказала — мамки да няньки к ритуалу великому ее готовили. Она одна предназначена Вию. Я даже забыла про Вия этого, одно имя в дрожь бросает и Гоголевские повести напоминает. Только сейчас не от ужаса все тело напряжением сковало. А у меня только одно в голове пульсирует — а князь девушку эту черноволосую тоже ладонями держит или локтем? Трогает ли ее длинными пальцами?

Я голову вскинула, чтобы увидеть, где он, как меня тут же сильно сдавили под ребрами, чтоб не смотрела вперед, а только на седло. Когда мы ждали воинов, одна из девушек сказала, что в Лихолесе нельзя никуда смотреть, только в землю или себе на руки. Нельзя с лихим взглядом встречаться, и лицо держать надо закрытым. Но никто не знал, кого и как Лихо выбирает себе, и почему.

В лесу все так же воняло серой и торфом, и я смотрела перед собой на землю, где то тут, то там вспыхивали огоньки. Словно лампочки или гирлянды — страшно и красиво одновременно. Потом я пойму, что они дорогу воинам показывают, ведут в логово Лиха у самой границы, а может, и заманивают в самую топь. По мере того, как продвигались все дальше, ветер становился все сильнее, несколько раз капюшон мне с головы содрал и факелы в руках воинов гасил. Пока заново разжигали, мне казалось, что ветер материализуется в ледяные веревки и по телу моему шарит. Невольно голову вскинула и от ужаса чуть не заорала, но в горло воздух ледяной забился, и я зажмурилась, не зная каким образом вспоминая Отче наш и дрожь от невыносимого холода и панического страха. То, что я увидела... это не могло быть правдой, не могло быть по-настоящему. Я такого даже в самых диких кошмарах не видела. На стволах деревьев трупы развешаны, они вросли в сами растения плотью, и из них ветки торчат, где из глаз, где изо рта, и листва прямо внутри тел копошится.

"Господи... господи, можно я проснусь, пожалуйстаааа..."

"Голову закрой, держи капюшон руками и смотри только в землю, смертная, и молиться не потребуется. Не в сказку попала, а в саму преисподнюю, если не хочешь вот так же деревьями прорасти, делай, что говорю".

Когда последний раз факелы погасли, воины стали на месте, как вкопанные. Издалека из самой чащи, как из тоннеля, показался светящийся круг, как отсвет гигантского фонаря. Я старалась не смотреть, но оно само тянуло голову вскинуть, тянуло глянуть, аж затылок сводило и спину пекло.

— Приветствую тебя, князь Ниян, Воевода и дозорный Навских границ.

Голос мерзкий, завывающий словно ветер и дребезжащий, как скрип старых веток.

— И тебе в пыль не рассыпаться, царь Лиходей.

— Язвишь?

— Матерь всея ветров меня упаси. Только искренние пожелания.

Слышу, что он улыбается. Не знаю почему, но я в этом уверена. Улыбку представила белозубую, наглуую, и пальцы сильнее края капюшона сжали.

— Времени нет у меня лясы точить с тобой, князь. Иди куда шел, только выкуп мне отдай и убирайся.

— Не больно ты гостеприимен. Поди Мракомира радушнее принимал.

Вихрь по деревьям пронесся, и листва словно зашептала, заставляя обомлеть и задержать дыхание, чтоб справиться с дрожью во всем теле. Злитесь Лихо, это даже я, ничего не знающая, всем телом чувствую.

— Не твое дело, Аспид. Выкуп отдавай и катись, пока я законы не нарушил и не потрепал твое войско.

— Мое войско трепки гнилых деревянных истуканов не боится, но я и есть закон Нави, не забывай,

царь. Поэтому выбирай и лишнего не шелести, не то я могу принять вызов.

— Я давно выбрал.

Надтреснутый голос задрезжал иными нотками, словно в предвкушении.

— Даже так? Шустрый ты. Не зря мне казалось, ты нас от самого моста сгоревшего ведешь. И кого возжелал Царь Леса?

— Ту, что пахнет цветами подводными и волосы цвета неба имеет. Ту, что спрятал от глаз моих в самом конце под плащом грязным и думал, я красоты ее не увижу.

В эту секунду шелестеть перестали даже листья, и ветер прекратился. Теперь я слышала только гулкие удары своего сердца. И вдруг от боли дернулась — под мокрым бинтом, которым я кольцо еще в своем мире заматывала и прятала от всех, словно иглы в палец впились.

ГЛАВА 7

Ты вышел из голода, из вечного холода,

Из горной, железной тьмы.

Из сумрака севера, соцветием клевера,

Последний весны росток

Вплетется в венок.

Роса рассветная, светлее светлого,

А в ней живет поверье диких трав.

У века каждого на зверя страшного,

Найдется свой, однажды, Волкодав

Найдется свой однажды Волкодав

© Мельница

— Больно глазастый ты для Одноглазого. Коли спрятана, значит, не для тебя избрана. Другую выбирай, а то и двух. Щедрый я сегодня.

— Так того и щедрый, что эту отдавать не желаешь... а я в праве своем любую выбрать. Так гласит наш священный договор, скрепленный печатью еще отцом твоим. Не тебе законы менять. Не царь ты и царем никогда не станешь.

И земля дрогнула. Не сильно. Так, словно зыбь по ней прошла, маленькой волной прокатилась. Когда-то у нас в городе землетрясение было, вот точно так же под ногами дрожало. Страшно и дух захватывает, потому что в ответ лез загудел, как пчелиный улей.

— И не тебе их менять, царь Лиходей. Оговорочка есть одна в договоре вашем с отцом моим. Не запомнил, какая именно?

— На бой меня вызовешь? Ради человечки жизнью рискнешь? Об этой оговорочке молвишь, аль другая там какая имеется мне неведомая?

— Об этой самой. На бой тебя вызываю.

Я дышать перестала, с трудом понимая, что именно там происходит. Одно чудище другое убить хочет, а мне страшно стало, что лихо, мною еще не видимое, убьет Нияна.

— Вызов принят, змееныш поганый, прознаешь — где твое место. Не тебе в лесу моем указы раздавать да законы менять.

Деревья зашумели, сильнее закачались со скрипами и стонами, а я от страха кулаки сжала. Голос Врожки донесся издалека... сама не знаю, как я их так хорошо слышу всех.

— Совсем ополоумел? Совсем сдурел ты, князь? Мозги на жару расплавились?

— Ты думай, что говоришь, не то без языка останешься.

— Плевать я на язык хотел. Я к тебе оберегать приставлен. Советы давать, а ты что творишь? С Лиходеем в бой вступать? Да с ним тысячи лет никто конфликт не развязывал, притом из-за девки. Отдай ее, да и все.

— Не отдам.

У меня сердце чаще забилося, сильнее... даа, он это был, не ошиблась я.

— Не отдашь, такое развяжется — земле и небу тесно будет.

— Пусть станет тесно. Не получит он ее. Я так сказал.

Низко спущенный капюшон и резко наступившая мгла не давали рассмотреть, что именно происходит вокруг, но гул нарастал, и земля продолжала дрожать, пока не затряслась, не

содрогнулась с такой силой, что лошади на дыбы встали, и где-то завывали волки или те чудовища, которые спину Нияна разодрали на горящем мосту.

Ветром вырывало с корнем молодые деревья, и земля шла трещинами. Я вначале не решалась смотреть, а потом голову вскинула и от увиденного обомлела. От ужаса голос отнялся, и горло сжало обручем каменным. С земли смерчем из листьев и корней деревьев поднялся столп прямо в небо, его руки — вихры из веток и пыли, а пасть — черная воронка, затягивающая в себя даже сизые облака с неба. Пока взгляд не застыл в изумлении — по небу, рассекая его огненными зигзагами, широко раскинутыми крыльями взмыло другое чудовище, черное, как смоль, словно из недр земли воспарило ввысь, змеится кольцами длинный хвост, а размах крыла такой ураган поднимает, что столп-смерч пошатывается из стороны в сторону, а потом из пасти низвергает на летающего змея пыль, землю и острые ветки-копья. Дракон изворачивается, ныряя вниз и снова взмывает вверх, чтобы извергнуть на столп огненный водопад, и смерч начинает пылать изнутри, колыхаться и изрыгать горелые головешки. Руки-вихры сносят стволы деревьев, выкорчевывают вместе с корнями и швыряют в дракона. Когда попадает, тот сбивается с траектории, словно вниз летит и снова парит вверх, а у меня сердце от ужаса и волнения заходится. Я кулаки стиснула, глядя на них. Уже зная кто есть кто и моля бога защитить крылатое чудовище, которое из дому меня похитило, которому сама смерти лютой желала, а теперь каждый раз, когда Лихо швыряло в змея ветки-копья, я замирала от ужаса, что попадет, что искалечит до смерти. Сердце защемило до адской боли, когда смерч кинулся вперед и обмотался вокруг дракона, словно сдавливая с такой силой, что дикий звериный вопль оглушил меня и всех остальных, и по щекам кровь из ушей пошла. Наверное, я закричала. Не знаю что. Кажется, имя его. Громко закричала, видя, как ветки впиваются в чешуйчатую мощь, протыкая ее, и от каждой раны дракон бьется в конвульсиях. И тут он дернулся сильно, крылья расправил через усилие огромное и столп в двух местах перерезал, и в ту же секунду изверг водопад огня прямо в рот-воронку, превратив смерч в огненное зарево. С потрескиванием искры на землю посыпались, а раненый Лихо начал уменьшаться в размерах, уходить в землю, издавая низкий стон, как порывы ветра гудят в проводах и ветках, бросаясь горящими корнями и золой. Рухнул на землю, рассыпаясь пеплом в разные стороны, и простонал.

— Пощадили...

За ним камнем вниз полетел дракон, продолжая плевать горячей магмой. Он упал где-то за деревьями с такой силой, что земля снова содрогнулась и словно волнами пошла, потом рябью, как гигантский океан. Вместо брызг комья земли летят в разные стороны. А на небе все еще зарево мерцает из горелых частиц пыли.

Воцарилась тишина. Все молчали. Никто даже с места не двигался. Я вырвалась из лап всадника и спрыгнула с коня. Не знаю, как осмелилась и как только никто не удержал, я бросилась к Врожке.

Он смотрел на макушки дымящихся елей и с места не двигался.

— Ты чего стоишь истуканом? Он ведь может быть смертельно ранен?

Карлик на меня посмотрел, и я содрогнулась от ярости в его взгляде.

— Все из-за тебя, человеческое отродье никчемное. Если б не ты, не было б ничего, а теперь ждать надо, когда сам оклемается и оклемается ли. Чтоб тебя. Говорил я ему — неприятности будут. Чтоб не брал... а он. Проклятая девка.

— Чего ждать?

Я не понимала, что он говорит. Ни одного слова. Бред какой, что значит — ждать пока оклемается? Он в своем уме?

— Нельзя к зверю подходить, когда он не в человеческой сути — убьет.

— Как это нельзя? Вы бросите его умирать там?

— Таковы страшные законы природы этого места, смертная. Нельзя Аспида трогать и приближаться нельзя. Одно его движение или вздох — сожжет дотла.

— Это же трусость. Он умрет там один в муках, а вы будете тут ждать?

— На все воля отцов наших всемогущих. Аспид сильная сущность, он не из таких передряг восставал. Будем ждать.

Он действительно не собирался ничего делать, не собирался даже пойти посмотреть, что с Нияном. Я попятилась назад, а потом приподняла юбку и побежала в гущу деревьев, туда, где еще вспыхивали искры и сверкало зарево огня.

— Стой, дура. Ты куда. Да что ж это такое сегодня? Схватить ее и вернуть обратно.

Но никто не двинулся с места. Я вдруг увидела, как в руке Врожки появился посох, и он ударил им о землю с такой силой, что искры в разные стороны посыпались.

— Взять ее. Не дать к нему подойти, я сказал. И меня взять с собой, болваны.

Черные истуканы дернулись все одновременно, но я уже не видела — кто и сколько бегут за мной, я мчалась вперед на запах огня и потрескивание веток. Не знаю, какой черт в меня вселился. Но мне казалось, что ветки деревьев расступаются передо мной, пропуская вперед, и тут же сходятся в тугие узлы, словно закрывая дорогу и пряча меня от преследователей. Я слышу топот лошадей с разных сторон, как будто они сбиваются с дороги.

— Человечкааа. Вернись, дура несчастная. Он тебя сожжет. Нельзя к немуууу.

А мне не страшно, и в ушах голос его "не отдам", и спина, исполосованная тварями мракомирскими. Ради меня, для меня. Я знаю, что для меня. Но чем ближе к зареву приближалась, тем больше казалось, что земля под ногами качается. Я ветки раздвигаю и ступаю по теплой почве. В воздухе звук дребезжит странный. Как шумное, болезненное дыхание, от него деревья клонит, как от ветра. На выжженной поляне с обугленными торчащими вверх острыми стволами лежит нечто огромное и непонятное, это оно стонет и дышит так, что земля дрожит. Позади все еще полыхает лес и освещает чудовище, со всех сторон утыканное ветками-копьями.

И у меня внутри все сильно сжалось, заболело. Я словно боль монстра в себе ощутила. Он же весь исколот и истекает кровью... хотя черная жижа, в которую ступили мои ступни, мало напоминала кровь, но сочилась она из спины раненого зверя.

— Не приближайся к нему. Не смей. Слышишь, чокнутая? С меня за тебя потом шкуру снимут?

Ступая неслышно по выжженной траве, я приблизилась к чудовищу и замерла, глядя на торчащие из-под чешуи толстые палки. Потянула за одну из них и от страха чуть не провалилась в беспамятство — дракон взревел так оглушительно громко, что подо мной земля ходуном заходила. Выдохнул паром, и деревья впереди с хрустом сломались, выгибаясь назад. Я снова схватилась за кусок пики и дернула к себе, дракон мотнул головой, и я повисла на деревяшке, с бешено колотящимся сердцем. Спрыгнула вниз и с опаской обошла зверя, остановилась возле гигантской морды с закрытыми глазами. От каждого вздоха меня трясет, как при землетрясении, и словно ветром назад уносит. Высоко у огромных раздувающихся ноздрей и вверх от пасти тянулся рубец с сочащейся из него черной кровью. Я все же приблизилась и, протянув руку, коснулась места над чешуей у широко выступающих скул сразу под закрытым глазом.

— Я хочу помочь тебе... хочу достать все копыя и намазать твои раны. Позволь мне.

Нежно провела пальцами по морде вниз к носу уже обеими руками и вдруг обмерла от дикого ужаса — монстр открыл глаз и смотрел на меня желто-огненным зрачком. Ему только стоит выдохнуть огнем, и от меня останется кучка пепла.

— Спасибо, — прижалась щекой к шершавой коже у носа, зверь судорожно втянул воздух, — ты снова спас мне жизнь.

Я шла вдоль длинной морды, поглаживая ее руками, подбираясь к ране, и глаз следил за каждым моим движением.

— Если ты не будешь дергаться, я вытащу их все, и тебе не будет так больно. Но сначала я промою вот это. Потому что кто знает, куда этот Лихо тыкал своими палками.

Зверь тихо фыркнул, а я пошла к воде, на ходу отрывая от подола рубахи под сарафаном кусок материи. Смочила в воде, выкрутила и вернулась обратно к зверю. Глаз все так же за мной следит пристально с совершенно непонятным выражением.

— Если ты хочешь меня съесть или поджарить, то сначала все же дай мне достать эти занозы.

Прижала материю к ране, протирая ее вдоль и глядя в завораживающий янтарный омут с вспыхивающими в нем языками пламени.

— Знаешь, когда ты не фыркаешь, мне не так страшно. Ты дыши медленно.

Не знаю, зачем я с ним говорила, и понимает ли он меня, когда находится в иной сущности, но страх начал постепенно уступать место решительности. Промыв рану на морде зверя, я снова попыталась выдернуть копые, но мне это было не под силу.

В этот момент зверь дернулся всем телом и, приподняв морду, резко втянул носом воздух.

— Человечкааааа, уходи. Давай. Беги к нам быстрее. У тебя есть шанс спастись.

Врожка орал и размахивал руками, сидя на лошади спереди вместе с одним из черных ящеров. Дракон весь напрягся, и я услышала, как затрещала чешуя, меняя направление в сторону всадников. О, господи. Он же сейчас их уничтожит.

Я выбежала вперед и раскинула руки в стороны.

— Нееет. Это не враги. Это Врожка. Не надооо. Не надо.

Зверь смотрел то на меня, то переводил жуткий взгляд на своих воинов во главе с карликом.

— Уходите, — я махнула на них рукой, — убирайтесь.

Но прежде чем сделала шаг в их сторону, шипастый хвост чудовища взметнулся и змеей прополз по траве между мной и воинами, словно отсекая мне пути к отступлению.

Вначале я думала, что он их не узнал, а потом поняла... поняла, что это он не подпускает их ко мне.

— Я не уйду, мне просто нужна их помощь. Мне одной не вытянуть все эти колючки из тебя, и ты истечешь кровью. Доверься мне. Я не уйду... я вернусь.

Держа руки вытянутыми вперед, я сделала несколько шагов назад.

— Мне нужны ваши люди вытащить копыя. Сама я не вытяну.

— Он нас сожжет в пепел.

— Не сожжет. Я его отвлеку.

Пока трое из самых отважных воинов пробирались к нам, я стояла у самой пасти чудовища и гладила его между треугольными чешуйками. Трогала шерсть над веками, проводила руками по огромному носу.

— Когда-то в детстве, когда мама еще не пила... а может, пила, но я ничего особо не понимала, я загнала кучу заноз в ладони. Мы с ребятами хотели оторвать доску от старого сарая и смастерить качели. Мама тогда выковыривала мне каждую занозу иголкой. Это очееень больно.

Зверь вздрагивал каждый раз, когда из него доставали очередную заостренную палку, а я каждый раз мысленно прощалась с жизнью. Но он меня слушал. Я точно знаю. Внимательно слушал и наблюдал... когда вытащили последнее копые, я еще долго промывала все его раны водой из реки. Когда совершенно выбилась из сил, сама не заметила, как уснула прямо на выжженной траве, и как чешуйчатый хвост обмотался вокруг меня кольцами, ограждая от внешнего мира.

Проснулась от холода, резко вскочила на земле и тут же замерла — Ниян лежал рядом уже в человеческом облике. На спине. Совершенно голый, раскинув руки и ноги. Весь в рваных ранах-дырках. Мощная грудь бурно вздымается и опадает. Я приложила руку к его лбу — не горячий. Это, наверное, хорошо. А сама бросилась к воде... искать красные цветы. Едва ногами босыми ступила, как они по дну сами ко мне потянулись. Слово знали, что их ищут. Пока рвала, кусая от боли губы, а потом выжимала прямо на открытые раны вместе со своей кровью, он даже не шевелился, а я от восхищения даже боль не чувствовала. Краска вся к щекам прилила, а взглядом его тело идеальное сжираю, и меня всю потряхивает от этой первобытной красоты. От лоснящейся золотистой кожи с рисунками, от вычерченной рельефной груди и сильного живота. Взгляд ниже перевела и задыхнулась, увидев его мужское естество, ничем не прикрытое. Есть в этом что-то пошло-прекрасное, неизведанное, будоражащее кровь. Особенно когда знаешь, какой зверь живет там, внутри него, под атласной кожей, покрытой странными знаками. Я видела его, я трогала эту тварь, которую боится до смерти все живое вокруг, и было в этом осознании нечто извращенно-запретное, сводящее с ума.

Я сок из цветов выжимаю, а сама на ноги смотрю накачанные в мышцах, на руки с выпирающими жгутами вен на запястьях. Все в нем красивое, каждая черточка на теле, выпуклость.

Сама не поняла, как ладонями по груди его повела, пачкая соком и своей кровью из исколотых подушечек пальцев. А я прикасаюсь, как ошалевшая наркоманка, и оторваться не могу. У него кожа гладкая и горячая, под ней словно огонь спрятался. Он живой, там под ребрами колотится и жжет мне душу. Ладонью ниже повела к животу, к паху, покрытому темной порослью волос, и дыхание втянула резко, когда увидела, как его плоть шевелится, крепнет, восстает, наливаясь и выпирая тонкими венами. В ту же секунду почувствовала, как мне на затылок легла сильная ладонь, взгляд к лицу его метнула и застыла, не дыша — смотрит мне в глаза своими огненными безднами и тут же запястье моей другой руки стиснул. И его губы так близко, чуть приоткрытые, потрескавшиеся, и рана на щеке едва затянулась в бордовый шрам.

Я пальцами, зажатými его стальной хваткой, пошевелила, и он слегка ее ослабил.

— Сжечь тебя мог, — глухо сказал, продолжая в глаза смотреть, — иди отсюда. Не место тебе здесь.

— Не сжег бы... ты бился за меня.

— Ты брата моего невеста вот и бился.

А сам взгляд на губы мои опустил, и пальцы в волосы сзади зарылись, то сжимают их, то отпускают, и у меня от ласки этой глаза закатываются. Я руку из его ладони высвободила и по щеке провела рядом с раной, затем по шее сильной, трогая кадык и напряженные мышцы.

Наклонилась и сама губами его губ коснулась, и тут же отпрянула. Глаза Аспида загорелись оранжевым фосфором, и он вдруг резко перевернулся, подминая меня под себя. Навис надо мной с каменным выражением лица, сильно сжатыми челюстями и горящими глазами, полыхающими адскими языками пламени внутри зрачков. Одной рукой держит вес своего тела, а другой сдавил мою шею и не отпускает взгляд, словно мягко входит в него своим, так мягко, что у меня начинает тянуть низ живота от этого откровенного взгляда. И от одной мысли, что он на мне полностью обнаженный, я начинаю дрожать всем телом то ли в предвкушении, то ли в страхе.

— Ты ласкал меня там... в воде. Это был ты...

Ладонь сжимает мне горло еще сильнее, и я начинаю задыхаться, но не пытаюсь убрать его руку. Все мое тело наполнено трепетом... мне кажется, что меня разрывает изнутри от каких-то диких желаний, от безумной жажды ощутить его пальцы на своем теле. Везде...

— Я... я хочу еще.

Потянулась к его губам, но он придавил обратно к земле.

— Чего хочешь?

— Ласки твоей.

— Уверена, что то моя ласка была? — усмехнулся, показывая белые зубы. И у меня щеки пылают от собственной наглости и от осознания — насколько он близок ко мне. Страшный и лютый зверь сжимает меня сильными руками и обжигает горячим дыханием.

— Уверена. Я твои пальцы с закрытыми глазами узнаю... Ниян. Не отдавай никому...

Улыбка мгновенно пропала, и он меня за шею к себе рванул, жадно впиваясь губами в мой рот так, словно первый глоток воды сделал, иссушенный жаждой, и я от наслаждения застонала, обхватила руками сильную спину, открывая рот навстречу алчным губам и скольжению языка внутри, уже слегка сдавливая пальцами мое горло, лаская маленькую ямочку посередине чуть выше ключиц. Оторвался от моего рта и впился взглядом в мои глаза, а я ищу в его зрачках отражение своего сумасшествия. Потому что они расширены и рот приоткрыт, а мои губы без его губ тут же пересохли. Ниян жадно прошелся языком по моей шее сбоку, по подбородку и со стоном погрузил его обратно в мой рот, не прекращая поглаживать бьющуюся выемку. И снова зарываясь второй рукой в волосы на затылке. Вдавливая мое лицо в себя, засовывая язык глубже, ударяя по моему языку и рыча в унисон моим вздохам и стонам. Другая рука по ноге моей скользит, задирая вверх сарафан и рубаху, продираясь под материей к бурно вздымающейся груди. Сжал сильно ладонью, и я выгнулась под ним, подставляя его рукам, дрожа всем телом от непонятных накачивающих волн. Чувствуя, как сжимает затвердевший сосок, сильно за самый кончик, и я впиваюсь ногтями в его спину, ощущая под пальцами старые шрамы, сходя с ума от дикой жадности его губ, от того, как набрасывается на мой рот с низким хриплым рычанием, словно зверь.

Пока вдруг под моими ладонями не начало колоть, и я не ощутила выпирающие из-под кожи острые бугры, они начали прорывать кожу и язык в моем рту удлинился, лизнул самое горло. Я обмерла, чувствуя — каким тяжелым становится его тело, и в ту же секунду он выдернул меня из-под себя и швырнул в сторону с такой силой, что я ударилась о камни в земле. Зашипел, как змея, и молниеносно бросился в кусты, в прыжке метнулся чешуйчатый хвост, и земля снова сильно дрогнула от рева звериного. Я вскочила на ноги, прижимая руки к груди, слыша, как шуршат деревья и кричат ночные птицы. А потом гигантская тень взметнулась вверх прямо в звездное небо.

ГЛАВА 8

Я в лесах наберу слова,

Я огонь напою вином.

Под серпом как волна — трава,

Я разбавлю надежду сном.

Тебя творить —

три года не говорить.

Сердце сварено в молоке,

Лист крапивы — в глазах костер.

Лунный свет на твоей руке,

На рубашке — красный узор.

На рубашке — красный петух,

А и мне ли жалеть огня?

Как захватит от дыма дух,

Как светло улыбнется князь.

©Мельница

Больше он меня к себе не брал, ехал верхом вдаль в самом начале, возглавляя отряд, а я сзади с одним из его мерзких ящеров. Людьми они мне уже давно не казались. Руки холодные и чешуя, кажется, затхлым запахом отдает, словно в болоте побывали. При том каждый раз меня пересаживали в седло к другому всаднику, зачем они это делали, мне не ясно. Обычно команду Врожка отдавал. К нему у меня были особые претензии. Мне казалось, что он меня ненавидит, и отвечала ему взаимностью. Взглядом он испепелял не хуже самих драконов, и я иногда видела эту ярость, с которой он окидывал меня, проезжая рядом. Понять только не могла — за что. А еще неизвестно где повозку новую раздобыл, и остальные избранницы теперь в ней ехали.

Я уже начала привыкать к поездкам верхом, по крайней мере у меня уже так сильно не болела спина и ноги. Теперь я оглядывалась по сторонам и запоминала куда мы едем, точнее, запоминала — громко сказано, я, скорее, пыталась вообще понять — где я. Поверить в реальность происходящего я уже поверила, как и поняла, что обратного пути не будет. А чтоб не сойти с ума, задумываться не нужно. И все еще жутко становилось, когда видела что-то, чего видеть не должна была, и быть в моем людском мире не должно. Например, как деревья с места на место перемещаются, уступая нам дорогу, и позади нас снова на место становятся, а цветы головки перед лошадьми княжескими склоняют. То ли от ветра, то ли, и правда, кланяются. Лес как-то внезапно закончился, и впереди показалось поле, словно кровавым покрывалом застеленное. Оно сужалось, превращаясь в спиралевидную дорогу на вершину холма, и с другой стороны такой же спиралью обратно в луг превращалось.

Я думала, отряд пойдет в поле, но Ниян повел лошадей с всадниками вдоль кромки луга. Я не знала почему, и лишь когда мы проехали вперед на большое расстояние, я увидела, что то, что показалось мне вначале цветами, является какими-то живыми существами, и спираль живая, она словно дышит. Отряд продвигается тихо, ступая шаг в шаг, и все молчат. Я уже привыкла, что раз все молчат, значит, впереди какая-то дрянь, и они об этом знают, а я нет. Я снова посмотрела на цветы, они продолжали шевелиться и волнами подниматься и опадать.

С нами как раз поравнялся Врожка, отдал приказ, чтоб меня пересадили на другого коня, и я нагло дернула его за рукав.

— Что это, и почему все молчат?

— Дурман-цвет. Плотоядные растения, они живые, и если их потревожить шумом, они поднимут головки и раскроют лепестки, в воздух полетит ядовитое семя. Когда мы его вдохнем, то станем для них легкой добычей, они оплетут нас своими черными стеблями и утянут в свои пасти.

Я в ужасе посмотрела на невероятно красивый ковер ярко-алого цвета и снова перевела взгляд на Врожку.

— Почему меня постоянно пересаживают? Что это за стратегия такая?

— Таков приказ Князя.

— Но почему?

— Чтобы ты не совратила никого своим запахом и голосом. Ядовитая ты. Смотрят они на тебя не так, как на других. Я говорил ему от тебя избавиться.

Наверное, он шутит. Кого я уже могу совратить, это явно издевательство. Ничего приметного во мне не было никогда. И красавицей я не слыла.

— Ты мог бы лучше сказать спасибо, что я спасла твоего хозяина.

— Никого ты не спасла. Аспиды регенерируются со скоростью света. Не лезла бы, он бы сам оклемался. Не впервой князь на смерть бьется. А погубить — погубила.

— Кого?

— Меньше знаешь — лучше спать будешь. Не приближайся к князю. Не ему принадлежишь. Не зыркай глазами своими и молчи лучше. Целее будем все мы.

Я сильно сжала руку в кулак, чувствуя, как кольцо впивается в кожу. Врет он все, карлик этот, я сама знаю — кому принадлежу. Мне сердце подсказывает.

В этот момент конь одного из всадников оступился и соскользнул прямо в красный ковер, в ту же секунду цветы оплели его лепестками, и в воздух полетели брызги крови. Ящер не издал ни звука, его окровавленная рука взметнулась с блеснувшим кинжалом, перерезая горло несчастному коню, прежде чем тот жалобно заржал.

— Воины дозора умирают молча. Чтобы дать возможность выжить другим.

— Кого я погубила?

Мой взгляд схлестнулся с взглядом шута из-под косматых бровей. Цепким и очень острым.

— В деревню он летал... а теперь там поминальные колокола с утра звонят. Не будоражь Аспида, человечка. Ох не будоражь, разбудишь то, с чем никто не сможет справиться.

— Зачем колокола звонят? — недоумеваю, тихо спросила я.

— По мертвым звонят... по сожженным заживо. Из-за тебя. — и тут же прикрикнул на "своего" ящера, — вперед езжай, Феро. Поди, нас там ждет сам волхв Лукьян Лукьяныч. Морок синий по траве стелется. Встречает гостей, колдун проклятый.

Я опустила взгляд вниз и шумно втянула воздух, около лошадиных копыт вились темно-синие кольца дыма.

"Закройся, Ждана, не высовывайся". Как всегда, врезался в мои мысли, и я встрепенулась от звука его голоса. Вихрь мурашек. Голову вскинула и встретила с ним взглядом — огненные зрачки полыхают языками пламени, впиваются в мои, просачиваются под кожу. Огненными пальцами касаются меня везде, трепетать и дрожать заставляют.

А по щекам князя тонкая сеточка чешуи перекачивается одними очертаниями золотистыми. Если раньше меня это до паники доводило, то сейчас я, как замороженная, смотрела на то, как у него внутри беснуется зверь лютый, неуправляемый. Тот самый, что мне позволил себя гладить и копыя вытаскивать из ран.

И смотреть в его глаза вечность. На него вообще можно смотреть часами, как там в гроте. И от одних воспоминаний, как под телом его тяжелым лежала, низ живота скручивало томлением, и дыхание учащалось.

"Прячь мысли, Ждана, не показывай никому. Прочешь тебя — два раза плюнуть.

— А ты не читай, если не нравится.

— Глупая... человечка.

— Твоя.

— Нет, не моя".

И взгляд тут же потух, глаза отвел, отпустил, и я пустоту внутри ощутила. Пустоту и тоску отчаянную. Что будет со мной, когда в царство брата его приедем?

Отряд погрузился полностью в синевато-сизый туман и продвигался очень медленно, пока сквозь рваную синюю вату не показались могучие дубы, словно мы опять вошли в лес, а я даже не заметила. Туман начал рассеиваться, и я увидела, как в небе ястреб белый кружится, крылья расправил и на снижение идет, кричит неприятно так. Лошади от этого крика шарахаются. А у ястреба глаза мертвенно-синими точками вспыхивают. Ястреб крылья сложил и вниз камнем полетел, о землю ударился, а я зажмурилась. А когда глаза открыла, то увидела, как издалека к нам приближается старец с длинной белой бородой, достающей ему почти до ступней, в белых длинных одеждах, расшитых синими и серебряными узорами. В руках у него посох, обмотанный словно жгутами синей лианы. Волосы длинные, белые развеваются на ветру, а на лбу серебряной лентой перехвачены. Чем ближе старец подходит к нам, тем больше оцепенением все тело сковывает. Как будто дышать трудно становится и даже руку поднять, или голову повернуть. Ниян спешил и навстречу старику пошел, голову склонил, приветствуя его, а тот руку на макушку Аспиду положил. Борода зашевелилась. Что-то говорит князю.

Я напряглась, стараясь прислушаться и разобрать слова... инстинктивно, а меня вдруг к ним словно приблизило, как будто внутри меня кто-то рычажок увеличения звука подвинул, как в компьютере или сотовом. Я даже дернулась от неожиданности. Это у меня бонусы такие к волосам голубым и к запаху, о котором все говорят?

— Не успел морок по дурман-цвету пустить, поздно почувал тебя, князь. Не сердчай. Потери большие?

— Одного воина потерял и то по его дурости. Мне путь открыть через скалу надобно.

— Заночуете? Уважите старца?

— Нет, Лукьян, не уважу. Мы и так в дороге задержались. Поэтому пойдем, едва путь нам откроешь. Обиды не держи. В другой раз.

— Какие обиды на моего мальчика. Слыхивал, в этот раз на одну избранницу больше везешь?

— Быстро слухи разлетаются.

— А то. У меня везде глаза и уши имеются.

А я вспомнила, как он ястребом по небу летел и кричал, хищно сверкая глазами. Волхв пошел вдоль отряда к обозу, а меня оцепенение все сильнее сковывает при его приближении.

— Посмотреть хочу на избранных, водой удачи и счастья окропить, чтоб чрево свое для царя нашего раскрыли, и чадо ему долгожданное подарили.

Полог поднял, и ящеры девушек по одной повываскивали из повозки. Выстроили всех в ряд. Волхв подолгу каждую рассматривал, срывая с головы накидку прозрачную. Бороду потирал.

— На свой безупречный вкус отбирал. Каждый раз диву даюсь, как не перевелись еще красавицы, и где берешь таких яснооких и сочных. Услада глаз. Только жаль — пустоцветки все.

А мне вдруг подумалось, что иногда лучше быть совсем некрасивой, и ведь я такой и была, почему Аспид меня в реке взял, а не кого другого... почему ко мне во снах приходил.

Волхв рассмотрел каждую, из склянки какой-то жидкостью полил на них, сложив пальцы все вместе. Не будь это миром иным, я б подумала, что он их перекрестить собрался. Только они не христиане — язычники они. О христианстве даже не слышали никогда.

— А еще одна где?

Спросил и к Нияну обернулся.

— Ты же на одну больше везешь. Почему не в повозке она?

— Одна про запас. В прошлый раз Лихо двоих забрал.

— А в этот ни одной. Бился ты с ним, а избранную не дал. Думаешь, никто и ничего не знает? От вашей бойни земля ходуном ходила и горы стонали. Лес спалил — непростительно это, князь Ниян, ты, когда к Нави идешь, этот мир тронуть не можешь. Ты его охранять призван.

— Не отчитывай меня, как ребенка. Если бился, причина была, а лес не я спалил, а упрямство Лиха. Он мог другую избрать. Царь леса не должен Аспиду перечить. Беззаконие у тебя здесь процветает.

Забыли все, под кем ходят, и что значит наказание высших.

— Другую? А чем та плоха или хороша была, что ты бойню затеял? Показывай. Не то не открою тебе путь, посреди морока оставлю.

— Угрожаешь мне?

Смена тона была резкой. Настолько резкой, что я невольно назад отпрянула. Забыть успела, как он может словами наотмашь хлестать или колотить, как жалом ядовитым.

— Ну что ты, Ниян. Шучу я. Так хороша или плоха?

— Плоха. Про запас оставил.

Но голос и у старца иным стал, мягкость фальшивой казалась теперь. Волхв осмотрел отряд прищурившись, а глаза его фосфорятся и словно сканируют, отыскал меня взглядом, ко мне направился, стуча посохом по траве, все еще покрытой тонким слоем морока. Вдруг стало страшно, и я вся внутренне сжалась. Показался мне старец этот ненастоящим. Точнее, внешность его, как у дедушки доброго, а там под морщинами и седым волосами словно смерть спряталась в образе скелета с горящими синими глазами.

"Не бойся, Лукьян не тронет. Не посмеет. В глаза ему не смотри, он мысли и желания прочесть может".

Волхв приблизился ко мне, а пока шел, у меня внутри все сжималось от него, словно волны исходили чего-то мрачного и нехорошего. Даже от Лиха я такого не ощущала, а здесь у меня от страха по коже мурашки поползли, и в ушах зашумело. Старик остановился напротив, и ящер тут же спешил и меня снял, поставил перед старцем. Какое-то время старик смотрел через накидку, а потом стянул ее, и глаза фиолетово-синие вспыхнули, он даже назад слегка отпрянул, или мне показалось. Я изо всех сил старалась не смотреть ему в лицо, устремила взгляд на носки своих сандалий.

— Оказывается, ты лжец, князь. Сказал — плоха, а сам красоту невиданную спрятал.

Обошел вокруг меня несколько раз и снова стал напротив.

— Значит, за нее с Лихом бился? От меня ее скрыл. Выбрал, значит, деву для брата сам? В милость царскую решил впасть и ко двору вернуться? Ох хитер же ты, ох и хитер.

И вдруг за подбородок меня схватил, а я невольно голову подняла и со взглядом его мертвым встретилась. В эту секунду и застыла... потому что нет у него глаз, вместо них ямы жуткие, и где-то в глубине на их дне морок синий струится, как беспрестанно вращающаяся воронка.

Под пергаментной кожей лица кости двигаются. На какие-то мгновения она прозрачной становится, и я вижу ободранное чудовище с комками мяса, прилипшим к черепу. У меня в ушах какой-то странный гул нарастает, как шум океана или моря во время шторма, и гул этот все сильнее и сильнее становится. Какое-то время его взгляд мне даже боль причинял, словно давил мне на голову так, что ее разрывало изнутри, будто кто-то мне камнями череп пробить пытался. Все это длилось какое-то время бесконечно невыносимое. Но волхв вдруг отпрянул назад и гневно посохом по земле ударил. Лицо злобой исказило, а черные ямы провалились еще глубже и стали похожи на две бездны или кратеры. Синий дымок спиральями в них закручивается, но уже в другую сторону не затягивая, а отталкивая меня.

— Опусти зеньки, бесстыжая. Ты как смеешь мне, жрецу высшему, в глаза нагло смотреть? Тьфу.

Развернулся и пошел к Нияну, а из-под посоха вылетают искры синие. Гул у меня в ушах снижаться начал, уменьшаться, сходить на нет, пока не стих совершенно.

А сердце так и колотится в горле, дрожит все тело. Как будто я только что под глыбой навалившейся лежала и всем телом ее вес удерживала, чтоб меня не расплющило. И снова слух резко обострился, когда волхв к Нияну подошел, а от него все еще искры разлетаются, и от чего-то кажется мне, что их только я вижу.

— Плоха она, прав ты. Не тащи с собой. Сожги, а затем утопи ее кости в ближайшей заводи. Каменную гирлянду на шею надень и на дно ее. Самое место ей там.

У меня от ужаса все волосы дыбом встали, и сердце замерло несколько раз. Что он увидел в моих глазах? Почему ненависть такая суеверная? Что я сделала? Я ведь слова не сказала и мысли не подумала.

— С чего ты вдруг мне приказы отдаешь, Лукьян?

— С того, что отродье она мерзостное не земное, от нее избавиться надобно. Утопить, да так, чтоб кости навсегда в ил вошли, а плоть разъело водой. Но не в море и не в океан, а в болото ее.

— И ты решил, что я тебя послушаю, волхв? Не много ли ты себе позволяешь, указывая мне, как поступать с избранными?

— Сожги и утопи ее. Не сделаешь, как я сказал — хаос начнется во всей Нави. Он уже начался. Из-за нее.

— Хаос в самой Нави? Ты боишься хаоса, Лукьян? Или девчонку? Что не так с ней?

— Утопи ее, и все. Я будущее вижу и знаю, что она смерть нам принесет.

— С каких ты пор смерти испугался? После скольких веков существования вдруг заговорил о страхе? Ты, кто избранных ведет в последний путь и придает огню. Разве ты породнился со смертью?

— Не убьешь ее — сильно пожалеешь.

— Открой нам путь, Лукьян, чтоб тебе жалеть не пришлось.

— Она уже тебя чарами оплела. Опутала голосом своим и глазами сирены в сердце твое драконье, как крючьями, впилась. И это только начало... битва с Лихом.

— Чарами оплести Аспида? Ты выжил из ума, старик? Открывай путь. Не заставляй силу применять.

— Посмотри на себя. Ты как полоумный. Ты из-за нее мне грозишь, голос повышаешь на учителя своего.

— Мне никто не указ. Я сам принимаю решения. Уйди с дороги, Лукьян, иначе хаос в твоей жизни начнется прямо сейчас.

— Я предупредил тебя... ты мне, как сын, Ниян.

— У меня был один отец, и мы с ним никогда особо не ладили, но его место никогда и ни для кого не станет свободным.

Несколько минут молчания, и я вижу, как оранжевые искры потрескивают в воздухе рядом с синими. А потом волхв обернулся к скале, взмахнул обеими руками и посохом, направив неоновосиний луч на черные камни, и между ними с оглушительным грохотом начала появляться трещина... Но я туда даже не смотрела... я смотрела на Аспида, вскочившего в седло и гордо выпрямившего мощную спину, тряхнул волосами длинными и натянул поводья, поднимая коня на дыбы, а я думала о том, что он опять меня не отдал, а внутри все плавилось, и там внутри, где сердце еще какие-то минуты назад от ужаса замирало, стало вдруг невыносимо горячо, словно искры, которые летали вокруг Аспида, впились мне в грудь и прожигали там узоры, как у него на коже, связывая меня с ним. И кольцо на пальце колоться перестало.

ГЛАВА 9

Где люди не видят, и боги не верят.

Там тот последний в моем племени легко

Расправит крылья — железные перья,

И чешую нарисованный узор

Разгонит ненастье воплощением страсти,

Взмывая в облака судьбе наперекор,

Безмерно опасен, безумно прекрасен.

И это лучшее не свете колдовство,

Ликует солнце на лезвии гребня,

И это все, и больше нету ничего —

Есть только небо, вечное небо.

(с)Мельница — Дракон

Мы сделали привал в пещере, через которую шли несколько часов, внутри скала оказалась полой и блестяла, как отполированная слюда или вулканическая порода. Застывшие столпы и острые зубья, направленные сверху вниз и снизу вверх, складывались своеобразными узорами настолько красивыми, что моментами я замирала, рассматривая их и свое отражение в мерцающем черном зеркале. Хотела протянуть руку и провести по гладкой поверхности, но я тут же одернула ее, потому что услышала ЕГО голос внутри себя.

"— Нравится?"

— Очень.

— Знаешь, из чего все здесь сделано?"

— Нет

— Из чешуи черных драконов. Их замуровали внутри этой пещеры прибитыми кольями к стенам и сожгли голубым огнем, добытым из недр навских, и вымостили расплавленной кожей нутро этой скалы.

— Кто?"

— Войско царя океана — Властибора.

— А как волхв смог ее открыть?"

— В его руках сила всех стихий. Ему повинуются огонь, воздух, земля и вода.

— Он сильнее тебя?"

— А он повинуются мне. В Нави нет кого-то сильнее династии Аспидов, Ждана".

В Нави нет кого-то сильнее ЕГО. И я отчего-то знала, что это правда. И все вокруг это знали. Не зря его каждая былинка боялась, и даже деревья раздвигали перед ним свои ветви. Взглядом я его не нашла, но голос все еще звучал у меня в висках глухим эхом.

Он часто так делал — говорил со мной совершенно неожиданно. Говорил так, что никто не слышал кроме меня... А я радовалась. Каждый раз дух захватывало, и на душе становилось горячо. Да, там тоже бывает кипятком жжет, как и в тех местах на теле, где его ладони меня касались. И тут же холодом морозит, потому что не приближается ко мне. Как от прокаженной держится на расстоянии. И чем он дальше, тем мне сильнее хочется быть рядом. Тем чаще перед глазами тело его золотистое сильное, покрытое шрамами и узорами, которые хочется прочесть губами и выучить пальцами наизусть. Как карту собственного безумия. И я не знаю, что со мной происходит... и мир этот уже не кажется таким жутким, когда глаза его огненные вижу и вспоминаю, как за меня бился с Лихом, как отпор волхву дал. За меня никто и никогда не заступался. Я не знала, что значит быть

под мужской защитой, и только с Аспидом я ощутила это. Так странно. В ином мире, посередине сумасшествия, в самой преисподней. Мне все еще моментами казалось, что я сошла с ума. А внутренний голос его же словами...

"Не его. Не ему обещана" и жутко становится, что, когда в навь приедем, отдаст меня князь, как и всех остальных до, как и будет отдавать после. Только глаза едва закрою и лицо его вижу вблизи, глаза невыносимо огненные и ресницы мягкие, длинные. Как смотрит на меня, словно я его заморозила, словно больше ни на что смотреть нельзя, будто во мне заключается все самое желанное. На меня никогда так не смотрели. Никогда ни чьи глаза не умели пламенем ласкать мой взгляд, поджигая в ответ, как папиросную бумагу. А ведь я сгорю... я слишком хрупкая, слишком никто, чтобы значить что-то для брата царя Нави. Я человечка, предназначенная удовлетворить похоть Вия, возможно, один единственный раз и умереть, как многие до меня. Разве не об этом старуха Пелагея мне говорила? Он ведь везет меня на смерть. Он выбрал меня на адскую муку и тащит в лапы второго чудовища. И вряд ли изменит свое решение.

А я... я на палача своего смотрю и дрожу от желания, чтобы снова ко мне прикоснулся, телом придавил горячим и заставил голову запрокидывать и губы его ждать, пальцы. Дура я. Глупая и совершенно безумная идиотка влюбилась в того, у кого вместо сердца вулканическая порода такая же черная, как и его чешуя. И спасал он меня тоже ради своей единственной и великой миссии.

Я больше не смотрела на зеркальные стены и на свое отражение в них. Это место начало казаться мне жутким. Я хотела быстрее из него выйти. Мне запахло серой и смертью. Весь этот мир по сути — это смертельная ловушка. И вдруг отчаянно захотела домой. Защемило внутри тоской непроходящей.

"Нет обратной дороги из Нави, Ждана. Смирись".

"Со своей неминуемой смертью?"

"Ты не умрешь"

Я ему не поверила. Он специально так говорит, а сам тащит нас всех в логово второго ящера, который раздерет нашу плоть на ошметки по очереди.

"Раньше времени?"

"Ты. Не. Умрешь"

Уже снаружи у подножия скалы нам постелили тюфяки с соломой, уложенные до этого в повозке избранниц. Я видела, как Аспид выставил дозорных при выходе из пещеры, а сам скрылся за деревьями. Каждый раз, когда отдалялся, становилось еще тоскливей. А потом в небо взмыла черная тень, высоко на небосводе расправил крылья и врезался в черноту, усыпанную звездами. Казалось, что они мерцают на его спине и на крыльях, отливают золотистым блеском в чешуе. Завораживающее зрелище — мощная тварь на небосклоне, заслоняющая лунный диск и порхающая, как гигантская птица.

А ведь когда впервые увидела, как несется к воде лютый зверь, от ужаса чуть с ума не сошла. Теперь мне казалось, что ничего красивее, чем полет дракона в ночном небе, я никогда не наблюдала.

Я так и смотрела на звезды, ждала, когда вернется обратно. Мне казалось, что пока он рядом, со мной ничего не случится. Вначале думала, что не усну, но сном обволакивало незаметно, накрывало, как кружевным черным полотном, веки тяжелыми становились, я, вроде как, и не сплю и в то же время пошевелиться и открыть глаза не могу. Страшно стало, когда по моему телу словно веревки поползли, жгуты холодные, с зазубринами, как будто лозой опутывает. Крепко стягивает. Хотела закричать, но рот так и не открылся, и глаза слиплись намертво.

Меня словно кто-то поволок по земле. Рывкообразно, сильно дергая за ноги, а я головой ударяюсь о коряги и камушки, и от ужаса горло холодом перехватывает. Тот запах в пещере, запах смерти, он вернулся и в ноздри забивался сладковато тошнотворным привкусом. Те плотоядные цветы, кажется, именно так и пахли. Я все слышу и чувствую, а закричать и пошевелиться не могу. И чем дальше меня тянут, тем явственней затхлая болотная вонь в ноздри забивается, и торфом воняет, как тогда, когда псы мракомирские на нас напали. Лягушки громко квакают, и вода плещется. Боже. Меня тащат, чтобы утопить?

"Нияяяяяян. Нияяян. Где тыыыы?"

Закричала про себя, как тогда, когда он говорил со мной. Закричала с такой силой, что в голове зазвенело. И уже чувствую грязь спиной и ногами, чувствую, как подо мной трясина чавкает. Вода ног касается. Еще немного, и я вся в ней окажусь. Вода как всегда внушала дичайший ужас, и меня захлестнуло паникой.

"Нияяян" — его имя на повторе, истерически громко, уже не веря, что услышит, и понимая, что я утону в этой склизкой гадости. Вот так глупо. Не доехав ни до Нави, ни до Вия. Просто утону в болоте. Меня притащили сюда, чтобы убить... И я знала, кто это сделал. Перед глазами до сих пор стояли неоновые-синие ямы на лице волхва.

Я его не увидела, я его услышала, тот самый звук, когда мощные крылья воздух рассекают и свистят в ушах похлеще порывов ветра. А потом треск огня. Как будто из жерла вулкана вырвался столп пламени. И жаром все тело опалило, крики дикие рядом раздалось, завоняло горелым мясом и шерстью.

Но с меня морок не спадает, так тело и держит скованным, обездвиженным, и я уже давно на грязной воде лежу, и меня начинает тянуть вниз, словно там воронка, и она медленно меня засасывает на дно болота. От ужаса и паники мне кажется — я сейчас задохнусь, пока вдруг меня не обвивает что-то кольцами. Они выются вдоль всего тела очень аккуратно, но я ощущаю, как колет кожу и царапает чешуей. И мне не страшно. Я знаю, кто это. Я его чувствую.

Взмываю вверх над трясинной и тут же плавно приземляюсь в примятую траву. Где-то трещат сверчки, и ночные птицы покрикивают у воды.

Аспид срывает с моего тела путы, кожу приятно покалывает в тех местах, где меня связали, и теперь веревки больше не впивались, причиняя адскую боль. Веки стали подрагивать, чуть приоткрываясь, и в размытости ничего не вижу, только лицо опаливает жаром, и воздух раскалился так сильно, что вместо ночной прохлады меня теплом окутало. Да, я точно знаю, кто со мной рядом, и мне плевать, в какой сущности он здесь. Пришел. Услышал меня и примчался... а говорит — не его я. Попробовала еще раз глаза открыть, и у меня даже немного получилось руку приподнять и провести пальцами по жесткой чешуе.

"Я знала, что ты меня спасешь"

"Я же сказал, что ты не умрешь".

Веки опять сами собой закрылись, меня сильно в сон клонило, так сильно, что я не смогла сопротивляться и позволила себе провалиться в тот самый космос, где даже перед сном дракон парил, расправив черные крылья.

А потом казалось, что на руках несет меня кто-то и опять к воде. Нескончаемый кошмар вернулся, и я закричала, вырываясь и царапаясь с диким воплем. Но рот ладонь накрыла, сильно сжимая.

— Тшшш, не кричи. Тихо... тихо... Ждана.

Голос услышала, и глаза широко распахнула, чтоб с его змеиными встретиться и замереть от того, как расплавленное золото под кожу просачивается, как тот морок дьявольский. Багряные сполохи в желтой заводи моего персонального костра. К себе прижимает и в воду со мной заходит шаг за шагом.

— Боишься меня?

Отрицательно качнула головой.

— Тинной от тебя воняет и волосы грязные. Вымыть надо. Или думаешь — утоплю?

— Не думаю.

Зашел почти по пояс и меня на ноги поставил, а я тут же инстинктивно впиалась в него обеими руками, стараясь на воду не смотреть и не думать о том, что там происходит на дне.

— А о чем думаешь?

А сам зеркальную гладь реки рукам сгреб и на волосы мои вылил. Теплая, как парное молоко, и пар клубами вьется, стелется по поверхности, берег заслоняет от глаз наших или нас от чьих-то.

— О тебе.

— Нельзя обо мне, Ждана.

А сам продолжает воду мне на голову лить, полоскать локоны в воде, а я ногтями ему в кожу впиалась, и страх смешивается с тем самым трепетом от его близости.

— Воды боишься?

Я кивнула и увидела, как он взгляд опустил вниз на мое лицо мокрое и еще ниже к груди, где ткань тело облепила. И под его взглядом она наливается, тяжелой становится, и соски сильно

стягиваются в тугие камушки. Сглотнул судорожно, и взгляд засветился оранжевым, бросая блики на его темную кожу. Дыхание участилось, и крылья носа трепещут в такт вдоху и выдоху. А я осмелела и ладонями шею его мощную обхватила, на губы сочные взгляд перевела, и стало так тяжело дышать, захотелось глоток его дыхания в себя втянуть. Кожа князя слегка золотом подсвечивает в лунном свете, очертания чешуи лишь слегка выступают и снова пропадают. Я губами губ его коснулась. И отстранилась, глядя на них, на полную нижнюю и узковатую верхнюю. Но прежде чем успела снова коснуться, он меня рывком к себе привлек, приподнимая и заставляя обхватить свой торс в воде ногами.

— А так не страшно?

Шепчет прямо в губы, сжимая одной рукой за талию, а другой за ягоды. Как же это невыносимо — все его тело своим чувствовать, силу его, мышцы упругие, рельеф на груди под мокрой рубахой.

— Мне с тобой ничего не страшно, — выдохнула, и сердце в изнеможении зашлось глухими ударами.

— А зря... я сам страшный, Ждана. Не человек я. И по-человечески со мной не будет никогда.

— Ты не страшный — ты красивый.

— Во мне зверь живет. Голодный. Жажущий смерти и боли.

Говорит, а сам сильнее в себя вжимает и губами моих почти касается. Я пальцами в его длинные волосы зарылась.

— Он ни разу меня не обидел.

— Он непредсказуем. Сегодня не обидел, а завтра сожжет дотла или раздерет на куски.

— Мне все равно... если не ты, то раздерет тот... другой, кому ты меня везешь.

Не удержалась и сама губами к его губам прижалась, услышала стон мужской и почувствовала, как губы его раскрылись и в мои жадно впились, слились с ними в единое целое, голову его руками обхватила, отвечая на поцелуй, касаясь несмело языком его языка.

"Вкуснее жизни ты, Ждана... губы твои вкуснее самых спелых ягод, я сгораю из-за тебя, ведьма человеческая, разум теряю. Все в тебе с ума сводит — голос, взгляд, волосы, тело..."

Задыхается, спину сжимает все сильнее, в себя меня вдавливая, а я животом и промежностью чувствую твердую выпуклость, и мне инстинктивно хочется о нее тереться голодным телом, которое пылает, причиняя боль. За волосы сзади схватил и назад потянул, заставляя выгнуться, прижимаясь мокрым ртом к моему горлу, ниже и ниже, обхватывая губами сосок через сорочку, слегка сжимая зубами, а я невольно извиваюсь на нем, и это невыносимое трение о его эрекцию, ощущение пульсации плоти на плоти и горячий рот на моей груди, язык, дразнящий тугие и вытянувшиеся соски. От сильного возбуждения нечем дышать, хочется плакать и умолять, чтобы унял эту дрожь, эту потребность в нем.

"Хочу... любого тебя... как тогда хочу... прикасайся ко мне... пожалуйста".

Оторвал от себя и в глаза смотрит, а по лицу уже змеится чешуя, не прячется, перекачивается волнами на скулах, и губа верхняя вверх вздернулась, подрагивает. А вдоль плеч появляется волнистая полоса, словно острые зубья пробивают кожу. Она лоснится и отливает то черным, то золотым.

"Закрой глаза, Ждана, и не смей кричать..."

Медленно прикрыла веки и услышала всплеск воды, судорожно стиснула челюсти, тяжело дыша, ощущая, как ночная прохлада иглами впивается в возбужденную грудь, в губы, в щеки. Почувствовала, как под водой что-то мощное плещется, вьется у ног, беснуется, и брызги столпом вверх летят. От страха дух захватило и грудную клетку сжало, как тисками. А потом замерло все... ни всплеска. Тишина вокруг.

По коже мурашки пошли, когда прикосновения ощутила на внутренней стороне бедер, и не могу понять, чем касается — мягко и в то же время остро, все выше и выше, пока не всхлипнула и тут же не прикусила губы, запрокидывая голову и закатывая глаза, потому что там внизу меня словно опалило жаром. Вздрыгнула, а ноги обвилось, как толстой веревкой, удерживая на месте. И в груди вместе с ужасом плещется что-то еще неведомое... очень чувственное, горячее.

А потом широко раскрыла глаза, когда почувствовала тянущие, скользкие подрагивания прямо на узелке плоти между складками. Сразу и безошибочно в самом чувствительном месте. И мне

кажется, что это его язык, но в то же время слишком остро, слишком быстро, и трение на чувствительной, воспаленной плоти невыносимо сильное, как и удары воды, которая снова вспенилась внизу, бурлит и пузырится, усиливая ощущения. Мои колени подогнулись, но их стянуло словно тугими кольцами, не давая освободиться. Из горла вырываются свистящие всхлипы, и перед глазами все плывет. Не знаю, что он делает со мной, но это невыносимо, это почти больно, настолько сладко, что меня трясет всем телом, и губы кровят от укусов, потому что мне хочется кричать.

"Тихо, Жданааа, тихо..."

А мне кажется, его язык — он везде, извивается и быстро трепещет в самой сердцевине пульсирующего бугорка, а потом жестко спускается вниз и раздвигает меня там, где никто и никогда не касался, мягко, легкими касаниями, проникая внутрь, словно вылизывая стенки лона и заставляя их трепетать, сжиматься вокруг его языка, а он снова выскальзывает наружу и тонко обвивает клитор... и мне кажется, это не человеческий язык, а змеиный. От одной мысли об этом сердце сжимается и тут же отпускает, потому что ласка становится обжигающей.

Наслаждение приближается оглушительно сильно, все тело волнами сотрясается в надвигающемся апокалипсисе оргазма, и мне уже кажется, что по моей талии ползут его пальцы... или не пальцы, а мне плевать, мне невыносимо хорошо, я приближаюсь к дикому взрыву, пока не выгнулась назад, опутанная сильными змеиными кольцами, впилая в них руками... Наслаждение нарастает ослепительными витками. Порочное, грязное, оно срывает меня в бездну и мне не верится, что я в эпицентре этой вакханалии сумасшествия. Вода плещется и словно раскачивает мое трепещущее и содрогющееся тело из стороны в сторону. Пока меня не ослепило с такой силой, что я забила, как раненная птица, проткнутая иголками, в конвульсиях наслаждения.

"Твояяяяя"...

А когда в себя пришла, оказалась одна на берегу, лежа на спине. Не помнила — ни как вынес из воды, ни как уложил, ни как исчез... а может, мне показалось или приснилось. Приподнялась на локтях... нет, не приснилось, не могло присниться. Я всем телом чувствую, что он со мной был и ласкал меня... в том ином облике.

А потом вдалеке зарево огненное взметнулось, я на ноги вскочила и вздрогнула, когда голос Врожки услышала.

— Он убивает других, чтоб не убить тебя.

Резко обернулась на карлика, а он смотрит на меня исподлобья и руки в кулаки сжимает.

— Нет никакой любви между драконом и человеком. Наслаждение монстра убивает ту, что его подарила. И не было ни одной, что смогла выжить. Пока ты жива, значит, гибнут другие.

ГЛАВА 10

*Там, где древние скалы уходят в туман,
Стоял мой маленький дом на самом высоком утесе,
И в его одиноких окнах с видом на океан
Проплывали вечерние звезды.
И в камине пылал огонь,
И мерцали блики на стенах,
Зачарованный лунный луч скользил по оконной раме,
И поскрипывало перо,
И таял воск откровений,
И строки ложились на мягкий пергамент.*

©Флер

Царский дворец возвышался на вершине черной скалы, напоминающей гигантский столп жидкости, застывшей в воздухе. Говорили, что когда-то из недр скованной льдом мертвой земли вырвался живой огонь, из него и появились драконы. Вышли из языков пламени в облике человеческом и заставили всех склонить перед ними колени, ибо пришла с их появлением на землю весна после тысяч лет холода и голода. Так говорят старинные летописи, сохранившиеся рисунками на скалах и на окружающих ее стволах могучих дубов и елей. Читать их могут только жрецы и волхвы, имеющие дар смотреть в глубину времени и повелевать стихиями. Дар этот передавался от отца к сыну.

Дворец был отлит из осколков подземной породы, раскаленных в огне. Представители тысяч рас сложили здесь свои головы и кости. Издалека царский дворец словно выныривал из черного фонтана брызг и светился на солнце огненными сполохами. Скалу окружал ров с кипящей лавой, и многотысячная армия воинов Нави выстроилась кольцом, создавая живую изгородь. К царскому двору не подступиться ни с какой стороны.

Со вчерашнего вечера здесь проходило празднество — ожидание прибытия избранниц. Отчет велся развешанными вокруг шпилей башен огненными знаменами с изображением черного дракона. Когда невесты будут доставлены во дворец, будет вывешено последнее знамя, протрубят горны и наступит затишье перед отбором. А потом самое сочное веселье — когда избранница войдет в царские палаты и... либо выйдет наутро об руку с мужем, либо исчезнет навсегда. В первом случае над замком будет вывешено белое знамя, и по всей навской земле будет объявлен праздник великий, народ перестанет оброк платить в драконью казну ровно год, и сто тысяч душ вернуться домой из рабства в честь такого великого дня. А во втором случае будет вывешено черное знамя. Их будет потом ровно столько, сколько и избранных невест. Когда все они будут преданы огню, сезон объявят закрытым, и до следующей весны празднеств уже не будет.

Простые смертные да и нечисть навская верили, что рано или поздно чудо сбудется, да костры жгли и свои жертвы приносили пред изваяниями черных драконов. А кто и вовсе своих женщин на гибель гнал к скале — отдавать во власть дракону в надежде на лучшую жизнь и сокровища несметные. В деревнях знахарки всякие появлялись, девкам и матерям их головы морочили за золотые да за еду, или меха. Пророчили великое будущее с самим Виём и наследников царских. Люди верили и сами на закланье детей своих отдавали, а Вий и не брезговал. Падок он был на женский пол. Нравилось ему девок портить и драть, а потом огню предавать. Только время шло, а наследник все не появлялся, и настоящим царем Вий никак не мог стать.

Белый ястреб расправил крылья и, сделав петлю в темно-синем грозовом небе с брусничными разводами между кучерявыми тучами, взмыл вверх к распахнутым резным окнам. Долго он кружил вокруг дворца, любовался, как переливаются камни, словно драконья чешуя на солнце, всеми цветами радуги. Когда-нибудь волхва призовут жить здесь, рядом с великим Государем Навским. Заслужит он эту честь, как его собственный отец заслужил у отца Вия. Но для этого нужно дать царю то, что он хочет. То, что за тысячи лет не случалось в Нави, словно проклятие повисло над старшим сыном покойного царя. Все избранницы не могли усмирить зверя и вынести брачную ночь. Обожженные, искалеченные, полумертвые, а иногда и мертвые были брошены они в огонь священный, принесены в жертву земле и ее чреву. Но ни одна не понесла.

Старинное пророчество гласило, что появится та самая, которая родит истинному царю наследника

и продлит род черных драконов, примирит все четыре стихии... только пророчество это волхву особо не нравилось, да и как перевернуть силы колдовством в свою сторону да на свой лад, он знал еще с детства. Любое пророчество — это комбинация событий. Чаще всего спрогнозированное и спровоцированное данным прогнозом. Лукьян собирался это пророчество да в нужное ему русло повернуть, а пока избранной истинной не появилось, не светило ему во дворцовых палатах жить да за царским столом пировать. Царь хоть и жаловал своего высшего колдуна, но провозглашать его главным во всей Нави не торопился.

Лукьян... почувствовал ее еще в лесу. Ноздри затрепетали и губы задрожали от предвкушения и предчувствия. Запах особый у их расы... способный с ума сводить, и голос дьявольский, как ручей журчащий, неземной голос, словно музыка в ушах переливается. Сам себе не поверил, когда понял, что среди избранниц есть одна из... это ведь все меняло. Это было тем самым шансом на успех, никогда еще ОНИ не попадали на ложе драконье... но в то же время это мог быть и великий провал. Когда успел Вий вынудить расплатиться таким сокровищем, на какую сделку с ним пошли, и что надобно было, раз потом спрятали девку в мире человеческом? Остается загадкой. Но Лукьян ее распутает. Постепенно. А может, и сразу, если девка впустит его в мысли свои и даст в ее памяти побродить в тех самых закоулках, затемненных сильнейшим заклинанием, превратившим ее в обычную смертную на первый взгляд.

Но в Нави истинную сущность долго не спрячешь. Здесь она рвется наружу, и рано или поздно проклятый Князь догадается. Не любил волхв Нияна. Боялся силы его, и что, если к власти придет, не выдать Лукьяну ни царских хором, ни денег, ни обещанных сто душ в месяц. Аспид каждому свое место указывает, и подхалимажем тут не обойтись... а пророчество очень тонкое дело, сбывться по-разному может, и вовсе не как угодно волхву. Опасен Князь очень опасен, хитер и умен. Коли надобность будет, за ним вся Навь восстанет. И небо с землей содрогнутся.

Только сучка строптивая не дала ему себя прочесть. Словно засверкали у нее внутри иглы, как лезвия заточенные, и начали колоть Лукьяна за каждое проникновение прямо в глаза, да так, что ему казалось — ослепнет он. И масть на нее не подействовала. Он даже попытался применить чары и взломать ее защиту, но это оказалось невозможно. Кто-то очень сильный закрыл ее от любого проникновения, кто-то дал и ей силы оберегаться. Притом невольно.

Но хуже всего то, что князь глаз на нее положил и отдавать явно не торопился. Думал, хитростью заставит Нияна девку в болото швырнуть... а потом сам бы достал и к Вию принес, но не вышло. Сильно зацепила она Аспида, как смотрит на нее, так глаза и сверкают жидким золотом, а зрачки словно полоски становятся. Окутала его своими чарами, приворожила лицом красоты невозможной, неземной и не навской, и не людской даже. Разум ему поморочила. Ничего, Лукьян со всем разберется и очень скоро будет управлять всей Навью. Вия за нитки легко дергать. Родит ему девка синеволосяя наследника, и избавится он от нее, как в свое время от матери Нияна избавился. А паршивца этого надобно сбросить с пьедестала, заставить Вия возненавидеть брата.

Ястреб в залу влетел и под потолком несколько раз покружил, прежде чем о пол ударился и старцем обернулся. Зорким взглядом глянул на вакханалию и разврат, царящие вокруг. Мерзость какая. Его покорило и сотрясло от брезгливости. Волхвы обет безбрачия давали, да и от рождения они равнодушны к плотским утехам. Праздник плодородия — так назывались эти дни, предшествующие прибытию избранниц. Дни адского и невероятного разврата, от которого Лукьяна тошнило. После этого праздника в Нави увеличивалась численность населения. Вот и сейчас захмелевшие гости совокуплялись на каждом свободном квадрате сверкающего пола дворцовой залы. Музыканты играли чувственную мелодию, но ее заглушали мужские и женские стоны, рычание, крики и шлепки голых тел. Волхв приподнял край длинной рубахи и обошел стоящую на коленях женщину, сжимающую ладонями фаллосы двух придворных и жадно сосущую их по очереди. Лицо Лукьяна исказила гримаса отвращения. Он бы всех их превратил в каменные изваяния и сжег их тела вместе с этим дворцом. Пробрался к трону, на котором восседал Вий с золотым кубком в руках и в массивной короне на голове. На лице выражение похотливого наслаждения, и глаза темно-карие закатываются под тяжелые веки.

Перед ним сразу три наложницы на коленях голые, оттопырившие зад и жадно облизывающие его толстый короткий член, причмокивая и толкаясь. Глаза узкие, миндалевидные, уши на макушке торчат заостренные вверху, похожие на кошачьи. Да уж, обделила природа матушка дракона копьем могучим, но с лихвой восполнила пробел властью бесконечной, жестоким нравом, вздорным характером и похотливой натурой. Волхв давал царю зелье, подавляющее появление дракона и позволяющее наслаждаться плотскими утехами, но священный момент с избранными должен был быть чистым, и сама сущность должна покрыть девственную невесту и излить в нее свое семя. За три дня до знаменательной ночи царь не принимал зелья и хмель. Затем проходил обряд освящения.

Когда Лукьян приблизился к трону, Вий растолкал девок и опустил рубаху на колени, затянул покрепче золотой кушак и пригубил кубок. Смачно шлепнул двух черноволосых "кошек" по голым ягодицам, а одну почесал за ушами.

— Добро пожаловать, Лукьян Лукьяныч. Заждался я тебя в этот раз. Что слышно на границах навских?

Девушки-кошки сбились в кучу и алчно смотрели на хозяина, облизываясь, как зверьки, и виляя голыми задницами из стороны в сторону.

— Новые рабыни, мой Государь?

— Подарок Бея. Прислал три штуки, сказал покорны и ласковы. Всегда готовы ублажить хозяина. Где сейчас отряд с избранными?

Волхв присел на придвинутое слугами кресло и откинулся на спинку, отмахнулся от кубка, но не отказался от золотого подноса с фруктами, который поставили на низкий столик перед ним.

— Едет отряд, но задерживается сильно.

— Отчего задерживается?

Пнул ногой заигрывающую с ним "кошку", и та отползла назад, сверкая черными узкими глазками. Волхв посмотрел на конусообразную голую грудь с торчащими сосками и снова скривился от отвращения. Женское тело вызывало у него приступ тошноты и гадливости. Но оценить красоту он мог... как истинный ценитель прекрасного и совершенного.

— То с Мракомиром сцепился, то с Лихом повздорил братец твой, Великий Государь. Строптивым стал Черный Аспид, неучтивым и своенравным.

— Ниян? Согласен, скверный характер у него, но не хуже твоего, Лукьян. А по что с Лихом сцепился?

— Да так... девку отдавать не хотел, ту, что выбрал царь леса.

— С каких пор Ниян наши законы нарушать стал? Лиху отдаем любую. Такова договоренность еще с отцом нашим.

— Не отдал. Бился. Насмерть.

— И как Лихо? Уцелел?

Усмехнулся и несколько глотков из кубка сделал.

— Уцелел чудом. Но коли б ушел в царство подземное навечно, взбунтовался бы народ лесной и нечисть вся. А нам это не надобно. Усмири брата своего, Государь, а то наворотит он дел, а тебе потом расхлебывать.

— Не надобно. И? Это ведь не все.

— Не все, мой Государь. Утаивает от тебя Ниян одну из избранниц. Нарочно тринадцать везет, чтоб самую красивую и особенную себе оставить. Сама Пелагея ею заинтересовалась и осмотр провела, а у ведьмы глаз зоркий.

— Что за избранница и что в ней особенного, что ты изволил ко мне лично пожаловать, да еще столь непривычным способом? Последний раз я твою сущность много лет назад видел при битве с Мракомиром.

Наклонился Лукьян к уху царя и шепнул так, чтоб никто не услышал, только красные глаза Вия вспыхнули и засветились точками в полумраке, а красивое смуглое лицо вытянулось и ноздри затрепетали.

— Вот как? Помню я тот оброк... и помню, за что обещан был, и как сказали мне, что померла девка, и по закону больше ничего не должны мне гады лживые, поверил им. Да и выбора не оставалось. Покажи мне ее. Хочу увидеть — из-за кого мой брат так рискует и вражду со мной удумал?

Лукьян из котомки блюдо фарфоровое достал и яблоко спелое, наливное, блестящее. Ладонью по окружности белоснежной яблоко прокатил, и сквозь дымку дрожащую всадники показались, через лес пробирающиеся, и женский силуэт в седле с капюшоном на голове. А потом и саму избранницу под номером тринадцать вблизи стало видно со сброшенным капюшоном и развевающимися на ветру волосами цвета морской волны, глаза яркие, бирюзовые и кожа бледная, словно фарфоровая с раскрасневшимися щеками и чуть приоткрытым алым ртом. Грудь бурно вздымается, и глаза смотрят прямо на государя Навского, который вперед подался и брови нахмурил.

— Красота неземная. Даже не думал, что у них такие красивые женщины.

— Опасные. Особенно из царского семейства. Смертоносные, я бы сказал.

В этот момент на изображении Ниян появился и собой девушку от глаз Лукьяна закрыл.

Вий тут же выбил тарелку из рук волхва, но ни она, ни яблоко не упали, описали круг и опустились на колени Лукьяна.

— Хочу ее. Передай Нияну — пусть везет ко мне девку, как и должен.

— Не должен. Двенадцать избранных, а тринадцатую может куда угодно деть, даже себе оставить.

— Пусть другую возьмет.

— Он за эту с Лихом насмерть дрался и моих бесцветных за нее казнил. Не отдаст.

— А если вынудить? Если сделать так, чтоб был обязан отдать? Думай, Лукьян, думай. Я ее хочу здесь во дворце.

Глаза царя полыхали красными сполохами и рот подрагивал в похотливом оскале. Наклонился к волхву и процедил, сжав плечо старика.

— Привезешь ее — верховным тебя сделаю и подле себя оставлю. Достань мне ведьму эту. Да так, чтоб ни с братом не вступать в конфликт и чтоб девка моей стала законно, как полагается.

Волхв покорно голову склонил.

— Любыми способами?

— Любыми, Лукьян.

И за волосы одну из кошек к себе притянул под низ рубахи, зажимая широкой ладонью тонкую женскую шею и насаживая ртом на свою вздыбленную плоть.

— Оставь мне свою тарелку, волхв. Вечером Сава тебе ее в палаты принесет.

Лукьян даже не посмотрел больше на государя, после того как отдал блюдо и яблоко в руки царя.

— Заклинание знаете, — утверждение, а не вопрос.

Царь усмехнулся, делая выпад бедрами вверх и сжимая темные волосы девушки, не давая ей увернуться.

— Конечно, знаююю.

ГЛАВА 11

*Я красавиц таких, лебедей,
С белизною такою молочной,
Не встречал никогда и нигде,
Ни в заморской стране, ни в восточной;
Но еще ни одна не была
Во дворце моем пышном, в Лагоре —
Умирают в пути, и тела
Я бросаю в Каспийское море.
Спать на дне, средь чудовищ морских,
Почему им, безумным, дороже,
Чем в могучих объятьях моих
На торжественном княжеском ложе?*

(с) Мельница — Змей

— Их и так двенадцать. Не отдам ее. Не знает никто о ней. Положенное число девок принес? Принес.

Аспид смотрел на оборванный диск луны и на блики, сверкающие в воде. А внутри дракон бесновался, метался из угла в угол, хлестал своим хвостом, шипованным, по стенам клетки и боль причинял почти физическую.

— Ну да, прям никто и не знает. А Лихо? А Лукьян? А воины твои и девки? А Пелагея, сучка старая? Отдана она ему, не тебе. Избрана им. Знак на ней имеется.

Аспид к Врожке наклонился и в лицо зарычал.

— Моя. Кольцо на палец надел ей... не знал, что мечена, она приняла. Обручены мы с ней теперь. Кровью ее чувствую, вросла в меня она, как колосья в землю вырастают, просочилась, как вода. Я весь ею пропитан. Как отдать?

— Как и всех остальных. Головы лишиться хочешь? Или Мракомира судьбу повторить? Не на твоей стороне правда, князь. Уймись. Не можешь ты избранницу себе оставлять.

Их взгляды скрестились, но в этот раз Врожка взгляд не отвел. Выдержал звериный взор своего господина, и у самого рыжего мракобесия глаза в ответ засверкали.

— Ох, чую — худо будет всем от человечки этой, чую — война развяжется, и брат на брата пойдет. Ты куда лезешь? Что творишь? Законы эти незыблемы веками, и не тебе их менять.

— Я не меняю законов. Я свое себе оставить хочу. Лихо повержен — молчать будет о позоре своем. А Лукьян не посмеет против меня пойти.

Врожка кулаками по воздуху ударил, и хоть это и выглядело комично, его глаза метали молнии.

— Еще как посмеет. Он царский зад облизывает уже давно. А ты ему бельмо на глазу. Ко двору не пускаешь, меда да золота лишаешь, и милости царской.

— Не отдам я ее. Помоги спрятать и скрыть от всех. Брат ты мне или не брат?

Глаза карлика сверкнули из-под косматых бровей. Зло сверкнули, словно Ниян проклятие вслух произнес. Шикнул на князя и по сторонам огляделся.

— Ишь разболтался. Скоморох я. Приставлен тебя оберегать да толпу веселить. И никогда меня так не называй. Стыд-позор на род царский такое убожество, как я, в родстве иметь. С тем условием меня псам не швырнули, когда родился.

Шут отвернулся к воде, туда, где плескались блики от уходящей луны, и дорожка пролегла до самого берега. На кончиках разноцветной шапки зазвенели бубенцы. Не в такт и как-то совсем уж насмешливо. Ниян рядом на камень присел и прутом по голенищу сапога несколько раз прошелся.

— Несправедливо это.

— Справедливо. Сущность моя мертва. Не дракон и не аспид я. Позорный урод, явившийся неизвестно от какой твари из чрева матери, Ниян. Кто знает, может, и не брат я тебе.

— Не верю, что мать твоя шлюхой была.

И еще раз прутом по голенищу прошелся, сломал его и выкинул в воду. А хотелось так же чью-то шею рубить, и Ниян знал чью. Если б жив был, вызвал на бой. Только вслух никогда не говорил — ненависть полыхала в князе молчаливо. Она не любила, чтоб о ней беседы вели и кому-то ее показывали. Ненависть к отцу родному, убитому в бою с Мракомиром.

— Зато отец твой поверил волхву. Приказал за ногу, как лягушонка, взять и псам в клетку кинуть, пока никто из слуг не увидел.

Ниян знал правду о рождении Врожа, Пелагея ему давно рассказала. Это она его спасла и уговорила царя не убивать младенца, а отдать в услужение брату. Рассказала, когда князь отказался в оруженосцы карлика брать, грозился на кол посадить. Но ведьма старая уговорила — кровь родная, как-никак, и защитит, и от злых языков спасет. Да и самому царю по гроб обязан будет за прощение и великодушие. Только не признают никогда горбатого уроду сыном и братом государевым да княжеским. Рот на замке пусть держит, не то без языка останется.

— Так сможешь или нет?

— И на смерть тебя обреку или на изгнание. И себя вместе с тобой.

— За шкурку свою печешься?

Карлик ухмыльнулся и камень в воду бросил, тот лягушкой поскакал по водной глади и ушел на дно.

— Пекся б за шкурку свою, давно б тебя предал. Знал я, что не принесет она нам добра. С первого взгляда знал. Увидел, как ты смотришь на нее, и все понял. Сколько деревень сжег из-за нее, сколько девок живьем поджарил и задрал до мяса. На что надеешься? Что в живых рядом с тобой останется? Ты ведь убьешь ее рано или поздно.

Ниян на ноги поднялся, меч в руках несколько раз подкинул, глядя на сверкающее лезвие, сунул в ножны:

— Так как? Поможешь?

— Что ты уже придумал?

— В свои владения ее отправлю на рассвете, сопровождать ее будешь. Чтоб ни один волосок с головы не упал.

Врожка от ярости даже ногой топнул.

— Куда? К себе во дворец? Ты в своем уме?

— Это значит — нет?

— Это значит — НЕТ. И не брат я тебе, а оруженосец, царем приставленный. Отвечаю за тебя перед ним.

— Конечно. Золото глаза застилает? Ждешь свою долю за избранниц? Похвалы и царской милости? Мечтаешь ко двору попасть? Там толпу веселить?

Карлик вместо ответа начал кривляться и танцевать, это могло бы выглядеть смешно, но выглядело жутко, потому что глаза скомороха оставались серьезными и лицо походило на маску.

Меня маменька рождала,

Мать-земелюшка дрожала.

Я от маменьки родился,

Сорок сажень откатился.

Несколько раз через себя перепрыгнул и на руках прошелся, дрыгая ногами и колокольчиками на

обуви позвякивая.

Пляшучись меня мать родила,

Да со похмелья бабка выбабила,

Окупали в зеленом вине,

Окрестили во царевом кабаке*1

Ниян вслед ему посмотрел прищурившись, а по щекам черная чешуя волнами всколыхнулась. Ну и хрен с ним, со скоморохом. Не хочет помогать, Ниян и без него справится. Не отдаст, и все. Оставит со своими воинами ожидать, пока избранниц примет встречающий. А потом просто к себе унесет Ждану, и никто не прознает, что девок тринадцать было. Его люди болтать не станут. Все ему преданы. Жизнь за него отдадут, если он попросит.

А умом понимает, что Врожка прав, и что с этого момента нарушил он все законы Нави, и не будет ему прощения, как и Мракомиру. И какой-то части него плевать на это. Плевать на все. Пусть изгонит его Вий. Земель ему хватит и воинов хватит эту землю защитить. Где писано, что он вечно служить брату обязан? А сам понимает, что писано это внутри мечами и саблями предков, головы сложивших за мир в Нави, нечисть приструнивших и законы заставивших соблюдать. Родился он с этими истинами и умирать с ними будет. И служит не брату, а Нави.

Огонь в пещере развел и глаза закрыл, а перед ними всегда только ее лицо и волосы длинные, кольцами на концах закрученные. Вкус и запах, голос жалобно выстанывающий "твоя... твоя... твоя", пока он языком змеиным изнутри всю ее вылизывал, сотрясаясь всем телом от острейшего удовольствия дарить ей наслаждение и сдерживаясь, чтобы не разорвать ее на куски, смиряя монстра лютого. А потом ненавидел себя, когда кружил над телами мертвыми девичьими, усыпавшими луга зеленые.

Смотрел, как кожу белую бороздят раны рваные, и понимал, что рано или поздно такие же на ее теле появятся. Жизни отбирал, чтобы она жила, и потом слово себе давал, что не приблизится к ней, не взглянет больше, не заговорит. Но стоило только взглядом с ее глазами встретиться, и его лихорадить начинало от непреодолимого желания впиться в нее и не отпускать. Пусть даже сам никогда не познает с ней ничего кроме этих ворованных минут болезненного счастья. Его она. Он выбрал. И плевать на Навские законы.

Флягу с зельем открыл и понюхал вьющийся зеленый дымок. Пару глотков и забудется во сне. Поднес к губам и замер... Он ее почувствовал еще до того, как вошла. Опустил флягу и голову в ожидании вскинул.

Человечка вошла в пещеру и остановилась напротив костра, так что его от нее пламя отделяло. Смотрит на ее лицо бледное и на то, как по коже блики огненные мечутся, а языки пламени образ, сводящий Аспида с ума, облизывают, и он сам готов на что угодно, лишь бы прикоснуться к ней. Пальцы сводит и кости ломит от желания этого дьявольского. Потому что красивая до слепоты, потому что тело просвечивает через ткань тонкую, и он уже знает, какое оно на вкус и на ощупь.

— Уходи, — мрачно, чувствуя, как от этих слов все внутри в камень превращается. Она головой отрицательно качнула.

— Уходи, я сказал. Не смей приближаться.

А она шаг к нему сделала, к самому огню.

— Не гони... огня не побоюсь. К тебе пришла. Думала о тебе всю ночь.

— Высечь прикажу. Места живого на тебе не оставлю.

А у самого в груди тесно стало и дышать невозможно. Боль адская, словно в первый раз чешуя каждое сухожилие испарывает и продирается сквозь плоть наружу.

— Прикажи.

И в огонь шагнула, а он тут же его одним взглядом заставил по полу стелиться и от ее босых ступней в разные стороны расползаться. Чтоб ноги ее не лизнули, чтоб даже огонь не касался того, что ему принадлежит. Иногда ему хотелось стихиями повелевать, как волхв, или дождем стать и на кожу ее пролиться каплями серебряными, стекать в каждом уголке вожделенной плоти, впиваться в нее, отравлять своим безумием диким. Или ветром стать и в волосах ее путаться, в складках одежды и под ними, обнимать ее всю, когда захочется, шелестеть ей на ухо о том, что жизни без нее нет, и что, если умертвит ее, сам себя живем сожжет.

А девчонка тонкими пальцами тесемки ночной рубахи дергает и руки убирает, белая ткань по ее телу медленно вниз ползет и к ногам падает. И внутри уже лава адская разливается, от похоти кровь вскипает клубами пламени, и дракон мечется, ищет выхода на волю. Смотрит на ее тело обнаженное белоснежное с округлой грудью, затвердевшими сосками светло-розовыми и вниз к мягкому животу, к выемке пупка, к скрещенным ногам и треугольнику между ними. Кожа гладкая, отсвечивает перламутром, как раковины морские изнутри, и губы коралловые, а в глазах ее он уже давно себя потерял, утонул в ненавистной заводи то ли соленой, то ли сладкой.

От возбуждения огонь лизнул его самого изнутри, причиняя боль. Если зверь выхода не находит, он своего хозяина сжигать начинает. Заскрежетал князь зубами, сжимая руки в кулаки, чувствуя, как огонь жжет гортань, как ползет наружу сполохом смерти Аспид, как его тело кольцами вьется, разрывает вены. Как долго сможет сдерживать тварь? Смотреть на ее голое тело и сдерживать самый естественный животный порыв своей сущности — покрыть свою самку, даже если ее это убьет.

— Убейся, Жданааа.

— Нет.

И к нему идет, переступает через огненные ленты, выстилающие пол пещеры. А ему ревет хочется, орать так, чтоб голосовые связки сорвать... потому что, если возьмет — убьет. Разорвет эту маленькую плоть собой огромным, вспорот ее чешуей и шипами и исполосует когтями. Он видел, какими они после него становятся, и в глаза их полные ужаса и боли смотрел... Не выдержит его человечка... а он себя остановить не сможет, превратит ее в ошметок мяса. Неуправляем зверь, когда жаждет похоть свою удовлетворить.

Подошла почти вплотную... дразнит запахом, так дразнит, что у Аспида огонь кожу плавит изнутри, и от боли перед глазами темнеет.

— Я думаю о тебе. Постоянно. Это так больно и невыносимо. Когда не вижу, здесь болит.

Руку его взяла, а он адским усилием воли держит дракона и дрожит весь. Прижала ладонь к своей голой груди, и твердый сосок ему в ладонь уткнулся. В паху взвилась боль мучительная, и плоть каменная дернулась в дикой, звериной жажде обладания. Тяжело дыша, слова сказать не может, смотрит на нее, на кожу молочную, на глаза широко распахнутые, в которых его собственные отражаются.

— Хочу тебе принадлежать... хочу, чтоб любил меня.

И в ту же секунду зверь вырвался наружу, прорвал телесную оболочку, взметнулся вдоль хребта каменными шипами, раззявил пасть адскую и взревел, изрыгая пламя. Ее глаза от ужаса широко распахнулись.

— Бегииииии.

Заорал уже не в силах контролировать обращение, ощущая, как начали рваться мышцы и сухожилия, как разворотило грудную клетку и затрещал череп.

А она на него смотрит и с места не двигается...

— Бегиииии, — и столп пламени совсем рядом с ней, волной отшвыривая Ждану назад, на спину, на камни. Смотрит, как она на пол сползает и ревет сильнее прежнего, глотая огненные столпы, проламывая в пещере еще один ход, выдираясь наружу со страшным ревом, поджигая все, что попадает на пути, так, что шары огненные по траве катятся, и ящеры с ведрами мечутся, тушат пожар.

А на утро после суматохи, когда дым расстелился по побережью белым вонючим туманом, а выжженная дотла трава превратила берег в черное покрывало... одну из избранниц нашли мертвой в озере. То ли утопла, то ли утопили. Теперь их стало двенадцать.

Тело девушки принесли к Нияну и у ног его положили. На шее водоросли запутались и вокруг глаз синева, рот приоткрыт, и из него вода тонкими струйками вытекает. Князь к Врожке обернулся, а тот взгляд опустил в землю. Аспид челюсти стиснул до хруста, чувствуя, что вот-вот зубы начнут крошиться. Неужели предал его Врожка. Сам проблему порешал и одну из невест убил? Осмелился против князя пойти?

И взгляд на смертную бросил — стоит поодаль с ужасом на тело девушки смотрит, одета в сарафан бирюзовый и рубаху пышную пурпурными и золотыми нитями вышитую, волосы в косы толстые заплела... ведьма. Опутала его, околдовала, с ума свела. Из-за нее все. Ослушалась. Не ушла. Зверь внутри пламя изрыгнул, превращая кровь в кипящую лаву ярости.

— Привязать обоих. Скомороха и человечку — сечь буду. Чтоб другим не повадно было мои приказы не исполнять.

...Окрестили во царевом кабаке *1 — русская народная.

ГЛАВА 12

*Я уснула в камере пыток,
Где на стенах тиски и клещи,
Среди старых кошмаров забытых,
Мне снились странные вещи.
Заглушала музыка крики,
Столько памяти в каждом слове,
Я уснула в камере пыток,
На полу, в луже чей-то крови.
Я уснула ночью глубокой,
В страшной чаще,
Зарывшись в листьях,
Среди диких чудовищ, голодных,
О своей не заботясь жизни.*

(с) Fleur

Взгляд на него подняла и подбородок вздернула. Пусть высечет, пусть хоть кожу живьем снимет. Ни о чем не жалею. Ни об одной секунде. На моей коже от его пальцев невидимые следы остались, а в груди вместо сердца огненный шар полыхающий. И никогда этому огню не погаснуть, он скорее меня саму доглотит сожжет, чем уймется. Мне кажется, я словно прозрела... словно на меня обрушилось озарение, и я вспоминала, как там... на земле, там, в моем мире мне казалось, что следом кто-то ходит... в окна заглядывает, жизни не дает. Как в темноте чьи-то глаза светились и шаги позади слышались. А я, глупая, Богу молилась и со светом засыпала, думала — с ума схожу, думала — видится мне все это, кажется. И силуэт человеческий в сумраке за деревьями, и хвост змеинный в траве или зарослях.

"Ты меня выбрал... ты ходил за мной... ты снился мне, и ты на ухо шептал. Ты в окна мои смотрел, и ты оберегал. Кольцо твое... я все вспомнила. Видела я. Тебя видела, хоть ты и старался быть невидимым. За что наказываешь? За то, что с тобой быть хочу? За то, что кольцо твое на своем пальце ношу? За то, что себя твоей чувствую? Ты почувствовать заставил... Твоя Ждана. Ты мне имя дал. Ты меня быть своей приговорил, а теперь отказываешься?"

Вижу, что слышит, и в глазах золотых плескается ярость звериная. И я знаю почему — он мог меня погубить. Там, в пещере, когда одежду скинула и в пламя шагнула — увидела, как золото в его глазах застыло и почернело на несколько мгновений, словно ржа его побила.

"— Бегииииии, Жданааа"

Боялся сжечь, как Вий своих всех женщин. Меня же за меня и наказывает. Прищурился, голову чуть наклонил и челюсти сильно сжал. Так, что на скулах широких желваки шевелятся, и узоры его языческие на шее свой танец отплясывают. Прекрасен даже в минуты жестокости особенной варварской красотой. Все в нем с ума сводит, и каждый узор прочесть хочется, выучить и запомнить.

"Шрамом больше, шрамом меньше. На мне все твои прикосновения невидимыми рубцами останутся. Бей. Мне не страшно. Я бы еще раз пришла".

Кивнул ящерам, и те меня к дереву потащили, сарафан стянули и за ним рубаху с треском рвать начали. А я на него оглядываюсь и в глаза... в те, что теперь смертью светятся и чем-то диким нечеловеческим. Жестокий зверь, лютый и дикий. И кажется, еще секунда и его сущность прорвется сквозь человеческую, как ночью в пещере. Но страшно уже не было... страшно лишь от того, что откажется от меня и отдаст.

— Хватит, — так громко, что деревья задрожали, и воздух всколыхнулся, как волны морские. — Я приказывал раздеться?

Обернулась на звуки борьбы и увидела, как Врожку схватили под руки, но он вдруг неожиданно отшвырнул от себя двух ящеров и сам через голову рубаху золотистую стянул. Швырнул на сгоревшую траву и руки непропорционально длинные в кулаки сжал. Невиданная сила, неожиданная для такого низкорослого, как восьмилетний ребенок. Но ящеры не удивились. Плечами повели и снова с этим неизменно холодным выражением лиц пошли на карлика. Как роботы в моем мире. Ни одной эмоции, ни одного проблеска чувств. Только чешуя под кожей поблескивает. Теперь я уже не сомневаюсь, что это именно она.

— Меня не надо силком тащить. Виноват — наказание сам приму.

— А виноват в чем? — Няня хлыстом в воздухе щелкнул. — Ты девку погубил? Ты все по-своему сделал?

Их взгляды скрестились, и Врожка даже голову не опустил — так и смотрит на Аспида из-под бровей своих рыжих, растрепанных. Только мне отчего-то кажется, что они совсем о другом.

— Не губил я никого. Не моя это задача — губить али миловать. Я жизни не дарю и не забираю. Виноват в том, что не доглядел за избранницами, и больше ни в чем. За то и понесу наказание.

Не походил карлик сейчас на себя самого. Каким-то другим казался, и речи его были другими, и голос изменился. Словно до этого он какую-то роль играл. А может, сейчас играет? И взгляды князя и скомороха тоже изменились. На равных, что ли, Врожка смотреть на господина осмелился, иди мне показалось.

— Понесешь, как и те, кто с тобой за ней не доглядели. Емельян, всех, кто дозор нес в эту ночь — всех связать. Десять плетей каждому.

Но я уже этого не видела, меня толкнули к стволу липовому и затянули веревками да так, что дышать сил не было, ребра сдавило. Вдалеке голос Забавы услышала... последнее время слух играл со мной злые шутки, и я слышала, казалось, все, что происходит в радиусе, недоступном человеческому уху. Это сводило с ума. Проклятое место. И я теперь кем-то и за что-то проклята любить чудовище огненное... и быть отданной не ему.

— Насмерть пусть забьют ведьму эту, меньше соперниц будет.

— Какая разница — сколько? От Вия ни одна живой не уходит. Все будем в чреве Чар-горы гореть после жутких пыток. Это не брачная ночь — это страшная агония... слышала я, что про это рассказывали. Несчастная умирает под зверем еще до того, как он огнем ее жжет. Он настолько огромен, что она разрывается вся, едва его плоть в нее входит. А потом кровью истекает, пока он ее... когтями дерет и огнем добивает, изливая в агонизирующее тело свое семя. Вот что всех нас ждет.

— Это вы живыми не уйдете, а я уйду. Вас ждет, а не меня. Я не простая девка, а дочь царя жарптиц — Феникса. Во мне самой кровь огненная. Может, я и есть избранная, потому что сущность у меня иная.

— Пелагея говорила, что под ним мрут как смертные, так и бессмертные. Разве кожа твоя не горит от огня?

— Замолчи. Много ты понимаешь? Он увидит меня и сдержит своего зверя.

— Насмешила. Ради тысяч до тебя не сдержал, а для тебя сделает исключение.

— Сделает... мне сама Перуница зелье выпить дала. Моим царь будет, и я во дворце золотом царицей стану, наследника царю рожу... коли эта сдохнет. Да и все вы.

И расхохоталась. А я зажмурилась, услышав свист хлыста в воздухе. Как же далеки они все от меня были. Не с ними я. Не о том мечтаю. Не нужны мне никакие хоромы царские, не нужны дворцы золотые. Мне нужен зверь мой лютый огненный. Я бы ему позволила растерзать себя... один раз познать его любовь и умереть. Наверное, в этом и было мое предназначение. У каждого есть свое, и я до сих пор даже не представляла, зачем живу на этом свете. Да и в моем мире об этом редко задумываешься, и смерть — она где-то там ходит, не дышит в затылок и не стелется под ногами, не рассыпается по воздуху в ядовитых семенах растений.

"Огненная плеть вспыхивает пламенем, когда плоти касается, прожигает раны до костей. Каждый удар — твой шаг наперекор мне. Каждый их стон — твои слова наглые и дерзкие. Слова девки грязной, а не избранницы Дракона Смерти".

Веки слезы обжигают... я слышу, как шипит при ударе плоть, как воняет паленным мясом, и как стонут тихо те, кого князь наказывает.

"Я свою судьбу не выбирала. Ее за меня выбрали. Ты их наказал за то, что девушку не уберegli... при чем здесь я? Моя вина лишь в том, что тебя любить посмела... посмела мечтать о том, что ты сам мне показал... показал, каким можешь быть для меня"

"Как посмела, так и разлюбишь. Век девичьей любви не долгий"

"Не разлюблю"

Он больше не врвался в мои мысли, не прорезал их, как острым лезвием, словами безжалостными, а я, закрыв глаза, считала удары — каждому по десять плетей.

А перед глазами языки пламени и лицо его бледное, заострившееся. Там в пещере. Взгляд голодный, бешеный, по-настоящему страшный, а мое тело все еще помнит силу колец змеиных и сладость ласк нечеловеческих. Кто согласится уже на меньшее, вкусив самого страшного и запретного, познав то самое ядовитое яблоко? Вот он, мой змей, позади меня стоит и хлыстом в воздухе щелкает, а я бы к ногам его пала и голенища грязных сапог руками обвила.

"Да, грязная... тобой испачкана. Не чистое тело мое, твоими руками заклеянное, твоими губами тронуто и поцелуями обожженное. Ты... меня себе выбрал. Кольцо твое на мне... с ним что делать? Пальцы мне отрубишь?"

"Отрублю. Я мог тебя сжечь... сжечь"

"Лучше под тобой умереть, чем под ним. Один раз... один раз любить тебя хотела. Все свое брату отдаешь?"

"Не моя тыыыыы. Понимаешь? Не мояяяя"

Заорал у меня в голове так, что в ушах запульсировало, по щекам кровь потекла, и я закричала, потому что спину боль адская обожгла и протянулась вдоль позвоночника, а из глаз слезы брызнули. Никогда ничего более невыносимого не чувствовала да и по-настоящему не знала, что такое боль. И нет, я не об ударах плети сейчас... плевать на них. Во мне резонансом адским его слова рассыпаются и ржавыми занозами впиваются прямо в сердце.

— Стой. Остановись, князь. Не тронь человечку. Меня секи. Моя вина. Я за всеми не углядел. Давай мне еще десять плетей. Тридцать давай. Избранницу не тронь. За ними скоро проводник с отрядом придет. Не гневи царя. Не порть красоту чужую.

Голос Врожки сквозь черноту прорезался, а у меня перед глазами языки пламени беснуются, прыгают, переплетаются, и боль все еще под ребрами пульсирует и по щекам слезы катятся.

— Не портить красоту чужую? — зарычал, и по моему дереву трещины словно пошли, застонала земля. — Тридцать? Получишь все сорок.

"Меня бей, Ниян. Насмерть бей. Чтоб никому не досталась. Не его я. Умру, но не дамся. Убей сам... или боишься Вия?"

Только хлыст свистел где-то совсем рядом... а я сотрясалась от рыданий и от понимания, что каждое мое слово — пустой звук, они во мне эхом разлетаются и затихают никому не нужные. Кого я прошу? Он же не человек. К чьей жалости взываю — это же животное. Смерть в чешуе. Таких, как я, через него прошло тысячами... правильно девушка Забаве сказала — все мы обречены. Только я надеялась, что умру там, где сама выбрала, но не в этом мире, не в этом проклятом месте. Где ни бога, ни дьявола не знают. Где все надежды гибнут, сожженные чудовищем.

Я уснула на поле битвы,

В самом центре кровавой бойни,

Среди раненных и убитых,

Полежать хотелось спокойно.

Все равно нет смысла бороться,

Я и так давно уже пала,

Я уснула, выключив солнце,

Потому, что очень устала.

(c) Fleur

— Связать и до появления проводника глаз с нее не спускать. Шкурой своей за нее отвечаете. И ты, Врожка, как оклемаешься, следи, чтоб невесту царскую не тронул никто да не испортил красоту более. Выполняй свою миссию. Не уследишь — казню на месте. Вон все. Представление окончено.

Последние слова проревел...

"Нияяян... пожалуйстааа, не отдавай... не отдавай меня"

Но вместо ответа через время уже знакомый звук вверху раздался... голову подняла и сквозь туман слез и жгучую соль огненную увидела, как дракон облака сизые крыльями рассекает.

Нет любви между драконом и человеком...

ГЛАВА 13

*Положи меня бережно
в высокой траве,
Вплети в мои волосы
алые маки...
Склонись надо мной
будто ангел печальный...
Биение сердца, трепет крыльев
над тишиной хрустальной...
Завяжи мне глаза,
подними меня на руки,
Отнеси меня в этот
придуманный рай,
Положи меня бережно
среди алых цветов,
Останься... и больше
Не исчезай...
Не исчезай...
Не исчезай*

(с) Флер

— Не приближайся, человечка. Сиди там, где сидишь.

Говорит, едва языком шевеля, а я вижу, как по его горбатой спине кровь сочится алая и раны развороченные мясом наружу смотрят. Сердце сжалось от вида этих увечий, которые из-за меня получил. Дышит тяжело приоткрытым ртом, и губами пересохшими шевелит, словно шепчет что-то. Я по холодному полу пещеры проползла, чтоб воды ему дать напиться из фляги, которую нам швырнул один из ящеров, а карлик руку приподнял.

— За нами могут наблюдать. Не приближайся. Нельзя.

Ну и пусть смотрят. Что еще со мной сделать могут? Я и так умру скоро, потому что не отдамся я Вию. Никому не отдамся. Не будет так, как они решили. Я из другого мира и решения принимаю иные. Меня любить иначе учили, может, я и не достойна любви Аспида, но и никто другой меня касаться не посмеет, и умру я так, как сама решу. А не под проклятым чудовищем, которое даже имени моего никогда не узнает. Подползла к карлику и села рядом с ним, приоткрыла флягу, поднесла к его губам дрожащим — он жадно несколько глотков сделал и снова голову уронил на сухие ветки. Дрожит весь, как в лихорадке.

— Зачем заступился? — спросила тихо.

— Не для тебя старался... Мог бы — сам бы девку ту утопил... и сдох бы с радостью, лишь бы тебя рядом с ним не было. Не место тебе здесь, и откуда взялась только?

Я облокотилась о стену и голову на колени положила, обхватив их руками.

— Удавить тебя надо было еще в начале пути.

— Надо было, — повторила его слова и посмотрела на блестящую от воды стену пещеры. Наверное, где-то внутри скалы протекают ручьи или подводное озеро. Перевела взгляд на карлика и увидела, как он пристально смотрит на меня. Так, словно увидел впервые.

— Беду ты нам принесла, человечка. Из-за тебя столько схоронили... и боюсь представить, сколько схоронят, если за ум князь не возьмется.

Уже взялся. Зря переживает карлик. Не нужна я его хозяину, отказался он от меня. Брату своему везет вместе с другим пушечным мясом, а точнее, инкубаторским, и то — это если повезет инкубатором стать, а так — просто мясом.

— Не я принесла, а меня сюда принесли. Не я судьбу свою выбирала.

Прислушалась, напрягаясь — где-то в глубине пещеры, и правда, журчит вода. Если в ней растут цветы красные, то я смогу раны Врожкины залечить. Каким бы поганцем он не был, но он за меня вступился. Долги надо возвращать.

Я встала на ноги и пошла на звук, оглядываясь на неровные темно-бурые стены с черными потеками от воды и испариной, какая на теле выступает, если жарко слишком. Капли из-за бликов факелов поблескивают, как искорки, отражая в себе дрожащие огненные языки.

— Куда собралась... вернись. Нет отсюда выхода...

— Боишься, что не доследишь за мной, да, гном? Без головы боишься остаться?

Проход сужался, и я была вынуждена согнуться пополам, чтобы пробраться туда, откуда доносилось журчание. То ли грот, то ли яма и темнота внутри. Не видно ничего.

— Коли б не доследила, рад был бы. Одной бедой меньше стало. Только нет с этой пещеры лаза. Зря стараешься.

Закашлялся, а у меня снова сердце сжалось, когда его лицо исказила гримаса боли. Жалко его, места живого Ниян на нем не оставил. Я бы боли такой не выдержала, наверное.

— Тогда не придется тебе радоваться сегодня. Но рано или поздно порадуешься. Живой все равно не останусь, как и остальные.

— И то верно, — усмехнулся скоморох, но не так, как всегда, усмехнулся мрачно совсем, даже зло как-то, и у меня по коже ворох мурашек пробежался. Так бывает, когда вдруг что-то или кто-то совсем иначе начинают выглядеть, чем представлялись ранее.

Вернулась за факелом и снова полезла в узкий проем между стенами, поползла на животе, освещая себе путь, пока не увидела, как со стены из-под складок каменных вытекает хрустальной струей вода в углубление и, закручиваясь водоворотом, исчезает под полом, уходит под землю. Брызги тут же намочили мне волосы и рубаху на плечах и спине. Я инстинктивно вздрогнула, приготовилась к боли там, где плоть кожу рассекла, но боли не было, и я нервно закинула руку назад, чтобы потрогать рубец — его там не оказалось. Гладкая кожа. Ни царапины. Как же так? Я же еле ногами передвигала от боли, когда меня сюда втащили. Но шрама не было, а вот кровь засохшая, которую водой намочило, на пальцах розовые следы оставила. Ладно... потом об этом подумаю. Все потом. Или никогда. Ведь мое "никогда" неумолимо приближается с восходом солнца — когда проводник с отрядом за избраницами пожелует.

Я снова на зеркальную струю посмотрела — никаких цветов или растений в воде не оказалось. Скорее, на родник похоже или подземный ручей. По стене все мхом поросло от влаги.

Карлик тихо застонал, а я к воде склонилась и ладонью ее зачерпнула, чтоб лицо умыть, и тут же вздрогнула, назад отпрянула — по камню потянулась цепочка с алыми головками-звездами. И в зеркальной струе лицо мое отражается, а под ней по камню зажигается змеевица с лиственной чешуйчатой, словно за руками моими тянется. Тяжело дыша, тронула лепестки, и они раскрылись, словно отреагировали на мои прикосновения.

Нарвала пригоршню, чувствуя уже привычное покалывание и резь от шипов змеевицы, только раны от них заживали очень быстро, и даже шрамов не оставалось. Странное растение — появляется, едва подумаешь о нем. Не впервые уже как из ниоткуда цветет, словно пряталось от глаз моих.

Когда обратно пришла, Врожка то ли уснул, то ли сознание потерял, а я нахмурилась, присаживаясь рядом и глядя, как его кровь из алой становится черной, засыхает на спине потеками... такими, как и у Аспида были. Я на оторванный кусок от подола рубахи длинной змеевичный сок выдавила и к ранам начала прикладывать, содрогаясь, когда пальцы мокрой разорванной плоти касались. Врожка застонал тихо... а я думала о том, что он сказал — насчет того, что сам бы ту девушку утопил. Почему? Чего я не понимаю в этом мире? И я сама здесь какая-то иная, со мной тоже что-то не так. Обработала раны скомороха и рядом села, чувствуя, как сердце снова и снова сильно сжимается от боли... и от понимания, что отдаст он меня. Тряпку на пальце размотала и вздрогнула, когда глаз драконий янтарный вспыхнул заревом, едва снова снять попыталась — сдавил кость и впился в кожу.

Оказывается, проклятие — это не тогда, когда тебя кто-то с ненавистью словами страшными вспоминает, и не тогда, когда кукол тряпичных иголками протыкают, как в фильмах видела, проклятие — это любить того, кто любить не умеет, и кому чувства эти понятны никогда не будут. В эту секунду камень, которым вход в пещеру закрыт был, отодвинулся, и я вскочила с пола, когда Нияна увидела.

Камень на место сам закатился, крошево со стены вниз посыпалось, а он остановился, широко ноги в высоких сапогах расставив и глядя на меня исподлобья взглядом своим страшным, словно приговаривая меня к высшей мере наказания. За что только — неведомо мне, только ему, наверное.

Мрачный взгляд, тяжелый, и глаза золотом не полыхают — черные почти стали, и только в середине загораются огненные вспышки. Шаг ко мне сделал, а я спиной к камню прижалась и на него смотрю... насмотреться не могу. Не бывает ведь красоты такой варварской, нашему миру незнакомой, так, чтоб сердце от одного взгляда на чудовище в облике человеческом биться переставало. Перепачкан пеплом после пожарища, на одежде осел толстым слоем, хлопьями черного снега, и с каждым шагом рваными частичками на пол слетает, кружится медленно в воздухе и опускается, ковром по полу стелется. Шаги пещеру сотрясают и шпоры бряцают, как и меч на боку. Приблизился вплотную, заставив почти вжаться в стену. Навис надо мной скалой огромной, руками по обе стороны от головы уперся. Смотрит в глаза, долго смотрит, брови сошлись на переносице, тонкие, аккуратно очерченные, крылья носа трепещут, и шрамы белые отливают перламутром на золотистой коже.

— Прощаться пришел? — взгляд на губы его перевела, и в горле пересохло, когда вспомнила, как губами этими всю меня ласкал. Как в мой рот впивался жадно и дыхание мое глотал, как ошалелый. Не отвечает, только в глаза продолжает смотреть, заставляя от боли корчиться и от предчувствия, что не будет уже ничего у нас. Последний раз его вижу.

— Свое забрать, — и лбом к моему лбу прислонился, заставляя дышать чаще, почти всхлипами и бороться с безумным желанием руками шею его оплести.

Почувствовала, как за руку взял, и мучительно дернулась, когда кольцо обхватил, и оно с щелчком, разомкнув шипы, соскользнуло с пальца. По щекам слезы потекли, и лицо его словно под той хрустальной струей задрожало. Обхватил мои щеки ладонями и в глаза так же пристально смотрит, а у меня от боли сердце разрывается от понимания, что все же прощаться со мной пришел. И своим только кольцо назвал... Но не меня. Еще несколько секунд смотрел, а потом развернулся и пошел к выходу из пещеры.

— Ты обещал, что я не умру, а сам на смерть отдаешь. Обещания забираешь так же легко, как и кольцо забрал? Неверно Врожка о любви человека и дракона говорил. Это драконы любить не умеют... А я бы умерла для тебя, Ниян, добровольно жизнь свою за один миг любви с тобой отдала, душу, сердце. Только не нужны они тебе, ведь твое сердце холодное, как камень.

Остановился у глыбы, закрывающей вход в пещеру. Постоял несколько секунд и одним ударом вытолкнул ее наружу, да так, что по стенам много трещин в разные стороны расползлось, а ящеры потом обратно на место камень закатали. Я на пол так и сползла, сжимая кровотокающие, рваные раны на пальце и понимая, что это конец. Нет больше надежды, веры нет, любви тоже нет и не было никогда. Я придумала ее себе, выгравировала из своих иллюзий, своих первых слез, эмоций и из красоты его звериной, нечеловеческой.

— Это у тебя все легко, смертная, а в нашем мире слова любовь не существует по отношению к женщинам, предназначенным для продолжения рода драконьего. Нави он служит. Воин. Брату в верности клялся и присягу давал, как и предки его раньше.

Я даже не обернулась к Врожке, чувствуя, как по пальцу кровь стекает и капает на пол.

— А любви к матери у вас тоже нет? К сестре? К родным женщинам? К дочерям?

— У драконов нет матерей, их убивает рождение младенца, даже если не убил сам дракон. А если рождаются девочки, их приносят в жертву на Чар-горе в ее благодатное чрево и просят, чтоб взамен сына дала от другой женщины.

Тяжело дыша я смотрела, как капли стекают по стене так же, как и слезы по моим щекам.

— И не Аспиду эти законы менять, смертная. Так было и будет. На сем сама Навь и зиждется. Некогда в любовь играть — Мракомир рыщет по земле навской, царь мертвых в любой момент восстать может, и наследника в Нави ждут, чтоб царя короновать и на трон законно посадить.

— Мертвая ваша Навь. Нет в ней жизни, если вы губите тех, кто эту жизнь вам подарил.

— Может, ты и права — мертвая. Испокон веков так было. И маленькой человечке не под силу все это изменить.

— Я и не хотела ничего менять... я просто люблю его. Этого мне ваши законы не запретят.

— Глупая маленькая смертная. Мне искренне тебя жаль. Только участь твоя не изменится ни с Виём, ни с Нияном. Одинаково умрешь рано или поздно.

Я резко повернулась к карлику, которому удалось сесть и дотянуться до фляги с водой.

— Я знаю, что все равно умру. Я с ним умереть хочу. От его рук.

— То ли бабы все безрассудные, то ли мир ваш безумен.

Встал на ноги и повел плечами, руками взмахнул, свел брови на переносице.

— Чем ты спину мне мазала?

— Змеевицей.

— Чем?

— Змеевицей, я ее... — уже тише ответила и, увидев, как округлились его глаза, замолчала.

— Где ты в пещере змеевицу взяла?

Сделал шаг ко мне, продолжая смотреть страшным взглядом.

— Нашла в ручье.

— Каком ручье? Нет здесь никакого ручья. Когда-то был, так его уже давно завалило камнями.

Я назад обернулась и воздух сильно в себя втянула — вместо грота в стене виднелась лишь небольшая выемка и трещина. Врожка продолжал на меня смотреть, а я то на него, то на трещину, вместо которой раньше лаз был.

— Клянусь, здесь грот был и ручей журчал. Я еще рубаху свою намочила.

— Ты кто такая? — и двинулся на меня, а я от него попятилась.

— Не знаю, — едва слышно прошептала и услышала треск, обернулась, тяжело дыша — камень снова откатили назад, и меня схватили под руки уже совсем другие ящеры в темно-синих одеяниях с красными переливами. Я хотела закричать, но один из них в темно-красном плаще встретился со мной взглядом и словно шипованной проволокой душу стянул.

— Будешь орать — у меня есть полномочия резать язык. Для твоей миссии сгодится только одно отверстие. Уводите. Эту стеречь особенно. О ней свои распоряжения сам царь отдал.

— Что ж царь так о девке смертной раззаботился, Демьян?

— Не твое дело, скоморох. Не то кукушка по тебе куковать перестанет. Пол раза крикнет да замолкнет, и ты вместе с ней.

— Так шут вроде я, а сколько жить осталось — у кукушки царский полководец спрашивает? На поле битвы птичку кличешь? Или так, чтоб не слышал никто?

Ящер с красной чешуей на скулах, которая волной прошла под кожей, замахнулся на Врожку, а тот кубарем откатился и язык воеводе царскому показал.

И словно в насмешку в тумане предутреннем кукушка закуковала.

— Эй, кукушка-кукушка, сколько лет Демьяну нашему жить осталось?

Кукушка замолкла, и лапа, зажимающая мне рот, сжалась еще сильнее. Я расширенными, полными слез глазами смотрю, как чадят уже потухшие костры и виднеются следы от копыт на выжженной траве. Повозка на тропинке стоит, и двойка лошадей топчется на месте, фырчат, гривами длинными трясут в нетерпении. Лихорадочно по сторонам — нет ЕГО нигде больше. Оставил. Отдал меня. Отказался. И душит уже не рука холодная, а боль невыносимая от понимания — теперь я точно уже не его. А может, и правда, не была никогда. Сама себе придумала.

— А дней?

Молчит птица, меня на коня забросили поперек седла, руки за спиной веревкой крепко затягивая. Я не сопротивлялась, внутри стало пусто и холодно. До ужаса пусто. До дикости. В груди под ребрами дыра образовалась... чудище сердце мне вырвало и сожрало, а потом умирать оставило, чтоб другой добил безжалостно.

— А часиков? Сжался, птичка, над Демьяном? — голос Врожки еще звенит, напоминает, что еще не мертвая.

Кукушка два раза прокуковала и снова замолчала. Скоморох расхохотался. Зловеще его хохот прозвучал в тишине гробовой.

— Заткнись, отродье бесовское, дохочешься мне — лично твоим палачом буду и башку твою рыжую мрако-псидам скормлю.

— Если доживешь. Суеверный ты наш.

Тот, кого Врожка Демьяном назвал, вскочил в седло и заорал.

— Дорогу на Чар-скалу держать. Через Лес Лабиринтов Истины пойдем к Черноморью.

— Буря скоро начнется. Небо нахмурилось, переждать можно.

— Не будем ждать. Царь приказал избранниц в срок привезти, а ежели раньше срока — наградит. В дорогу.

Только мне плевать уже было на все. Я остекленевшим взглядом на хаотично мелькающую траву и копыта лошади смотрела, чувствуя, как режет глаза от слез невыплаканных и тех, что уже пролились, разъедавая мне склеры и заставляя слипаться мокрые ресницы.

Не отдавай меня, Няня... не отдавай ему. Люблю тебя. Только тебя одного. Не могу представить, как он руками своими меня трогать будет, как целовать захочет, как раздевать станет. А ты... ты можешь представить? Его со мной? Как касается, где ты касался, как целует, где ты целовал, и ласкает там, где от твоих пальцев следы остались?

И по всей окрестности рев пронесся адский, нечеловеческий, а вслед за ним раскат грома настолько оглушительный раздался, что я зажмурилась, а под ящерами царскими кони испуганно заржали и понеслись прямо в густые заросли леса по тропинке витиеватой, кружащей вокруг деревьев.

— Что за чертовщина?

— Погоня, Демьян. За нами скачут.

— Кто?

— Не вижу... за деревьями прячутся, только ржание лошадей слышно.

— Еще в лес войти не успели. Мечи наготове держать. Скачем в чашу. Да пошустрей. В этом лесу нечисти не бывает, тут все смертными становятся. Так что нечего бояться. Девочек не загубите. За каждую головой ответите.

— Не поверишь... Демьян... за нами воины Черного Аспида гонятся.

— Ополумел совсем?

— Не ополумел. Князь за нами по пятам идет.

— Какого лешего ему надо? Он же нам избранниц уже передал. Может, важное что сказать забыл.

— Не с миром гонятся, окружают нас со всех сторон и к черным камням загоняют.

— Не неси ерунду и язык прикуси, Тимофей, не то я тебе его сам прикушу щипцами раскаленными.

И в ту же секунду что-то просвистело в воздухе, и я увидела, как под копыта коня Демьяна мужчина упал с черной стрелой в горле. Глаза его широко распахнулись, а в них вспыхивающие на небе огненные молнии отражаются. Рука в железной перчатке меня под ребрами сильнее сжала, и раздался громкий вопль Демьяна.

— Рассыпаться по лесу. Повозку гнать к берегу, но из леса не выходить.

А сам меня сильнее стиснул и в другую сторону поскакал. Через кустарники, плутая вокруг деревьев и перескакивая через стволы сухих елей. И слышен лишь топот копыт и свист хлыста. У меня сердце из груди выпрыгивает и в горле трепещется, я слова Тимофея снова и снова слышу, и не верю сама себе.

— Давай. Пошел. Быстрее.

Во весь опор мчимся, и меня ветки по лицу хлестают, по телу больно бьют. И вдруг конь на дыбы

встал, назад метнулся, а меня по седлу вперед-назад швыряет, и кажется, вот-вот упаду под копыта, только и слышу звон метала над головой и ржание лошадей.

— Не пощадиит тебя царь — как Мракомир кончишь или Константин.

Раздался чавкающий звук, словно металл вошел во что-то мягкое, и надсадный хрип Демьяна. Конь начал на бок заваливаться, а я от ужаса глаза зажмурила и в ту же секунду почувствовала, как меня сдернули с седла. Дух захватило с такой силой, что я в немом крике рот открыла, а закричать так и не смогла — окровавленное, грязное лицо Нияна увидела, мокрое от дождя с черно-багровыми потеками и свежими шрамами на щеке.

И в голове его голос взорвался, задребезжал воплем диким, разрезая нервные окончания и заставляя с рыданием выдохнуть.

"Мояяяяяяяяя"

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Мои любимые читатели, в связи с очень неприятными и горькими событиями в моей семье некоторые из произведений были перенесены в сроках. В Аспиде это стало проблемой, так как я его за последний месяц все равно окончить полностью не смогла. А сокращать данное произведение и что-то в нем урезать я не хочу. Для меня эта сказка слишком любима. Переносить сроки я больше не могу. Таковы правила ресурса. Я решила разделить данное произведение на 2 части. Первую вы сейчас как раз дочитали и для вас будет сразу же начата вторая часть, уже буквально 7 июля она начнет выкладываться на Призрачных мирах и цена ее будет чисто символической — 30 рублей. Надеюсь на ваше понимание и благодарю вас за терпение и вашу безграничную преданность.